Colombo

Biednaia neviesta, ili, V risovykh

Moskva

1903

Reel: 51 Title: 13

БѢДНАЯ НЕВѢСТА

Лит. Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ.

Для взрослыхъ.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА

ИЛИ

ВЪ РИСОВЫХЪ ПОЛЯХЪ.

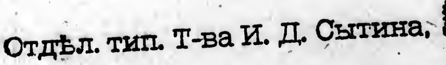
ПОВѢСТЬ

МАРКИЗЫ КОЛОМБО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

Изданіе второе.

№ 278.

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, домъ Обидиной.

Москва.—1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 октября 1902 года.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА

ИЛИ

ВЪ РИСОВЫХЪ ПОЛЯХЪ.

I.

Въ Италіи, по дорогѣ изъ Новары въ Трекате, стояла небольшая мыза. Участокъ земли, принадлежащій къ ней, обрабатывался подъ огородъ. Къ мызѣ велъ проселокъ, окаймленный живой изгородью. Въ глубинѣ двора возвышались постройки, а за ними тянулся огородъ. По лѣвую руку двора (если стоять лицомъ къ дому) билъ ключъ. Вода изъ него была проведена въ канаву и служила для поливки огорода и для мытья овощей и бѣлья. Въ этой же канавѣ плескалось стадо гусей.

Налѣво подъ сѣноваломъ былъ устроенъ сарай для скота. Въ домѣ было двѣ двери, выходившія на дворъ; каждая изъ нихъ вела въ свою отдѣльную кухню. Рядомъ съ одной изъ кухонь была еще вторая комната, одинаковой съ ней величины, раздѣленная перегородкой на двѣ половины. Въ той половинѣ,

которая выходила на дворъ, помѣщалась печь для хлѣбовъ, другая половина была спальней. На лѣвомъ концѣ дома была еще другая кухня.

Деревянная наружная лѣстница вела наверхъ во второй этажъ. На площадку лѣстницы выходили двѣ двери. Дверь налѣво вела въ одну единственную жилую комнату, дверь направо—въ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна находилась надъ нижнею кухней, а другая—надъ жилой комнатой.

Домъ этотъ сдавался двумъ семьямъ. Меньшая квартира, къ которой отходила также одна треть огородной земли, постоянно переходила изъ рукъ въ руки: она была черезчуръ тѣсна, да и земли при ней было слишкомъ мало. Въ другой — большей квартирѣ—помѣщалась съ незапамятныхъ временъ семья Лавателли, состоявшая въ настоящее время изъ отца съ матерью и двухъ дѣтей — сына и дочери.

II.

Нанна, дочь супруговъ Лавателли, все свое дѣтство провела въ полѣ: она стерегла гусей. Ихъ было 12 штукъ, и Маддалена, мать Нанны, собирала съ нихъ пухъ, чтобы совреме-

немъ сдѣлать изъ него перину на брачную постель дочери.

И Нанна гордилась своими гусями и приготовленіями, которыя дѣлались для нея.

Когда ей минуло десять лѣтъ, Маддалена сказала мужу:

— Придется взять кого-нибудь со стороны, чтобы пасти гусей. Дѣвочки встрѣчаются на выгонѣ съ пастушками и балуются съ ними. Это можно еще позволять, покуда онѣ дѣти. А Наннѣ вѣдь одиннадцатый годъ пошелъ. Она уже не маленькая.

Отцу Нанны, Мартино, это рѣшеніе жены показалось весьма мудрымъ. Гусей поручили пасти восьмилѣтней дѣвочкѣ, а когда и она подросла, нашли другую такого же возраста. Гусей приходилось стеречь съ апрѣля до ноября, и дѣвочка получала по 50 чентезимо *) за каждую птицу. Это составляло шесть лиръ **), но супруги Лаватедли не скупились на такую издержку, лишь бы Нанна не встрѣчалась съ маленькими пастушками. И этимъ также Нанна гордилась, точно это придавало ей превосходство надъ товарками. И теперь, когда она встрѣчалась съ ними или выглядывала на нихъ

*) Чентезимо—самая мелкая итальянская монета, на наши деньги около четверти копейки.

**) Лира=25 копейкамъ.

изъ-за густой изгороди — и онѣ ей кричали: „А-у-у-у... Нанна! что же ты не выгоняешь своихъ гусей?“

Она съ важностью отвѣчала:

— Мама не хочетъ, чтобъ я пасла гусей, потому что я ужъ теперь не маленькая!

Въ ея словахъ слышалось столько гордости, точно она говорила: „Потому, что я королевна!“

— Мы нанимаемъ Маргеритину, чтобы она стерегла нашихъ гусей,—прибавляла она съ важнымъ видомъ, давая понять, что ея родители, какъ люди съ достаткомъ, могли себѣ позволить держать прислугу.

И вѣдь говоря такъ, она не хотѣла возбудить въ нихъ зависть, — вовсе нѣтъ. Въ ней проглядывало лишь то чувство гордости, которое бываетъ у балованныхъ дѣтей, привыкшихъ, чтобы родители были постоянно ими заняты. Такія дѣти невольно думаютъ: „Должно быть, мы важныя особы, если съ нами такъ возятся“.

Впрочемъ, гордость Нанны не мѣшала ей работать въ огородѣ по мѣрѣ силъ и умѣнія. Ей и въ голову не приходило пренебрегать работой. Она полола грядки, собирала овощи, промывала ихъ въ канавѣ и помогала матери укладывать ихъ въ корзины, въ которыхъ

мать носила ихъ продавать на рынокъ въ Новару или Трекате.

На мызѣ въ это время не было другихъ дѣтей, и жильцы сосѣдней квартиры всегда встрѣчали Нанну ласковыми словами и шутками.

— Что же, накопала ты моркови? Или салатъ моешь, Нанна? Умница дѣвочка, — точно большая!

А когда они встрѣчали ея отца или мать, то никогда не забывали спросить и про Нанну.

— Доброе утро, Мартино; доброе утро, Маддалена; а что Нанна?

А по вечерамъ, когда жильцы собирались на отдыхъ подъ окнами дома, а зимой—въ сараѣ подъ сѣноваломъ, Нанна всегда вертѣлась среди большихъ, то приставая къ одному, то къ другому. Большіе часто прерывали дѣльный разговоръ, чтобы пошутить съ дѣвочкой. Закрывали ей глаза рукой, заставляя ее отгадывать, кто съ ней играетъ; разсказывали ей сказки, говорили съ ней объ ея игрушкахъ и вникали въ ея дѣтскія забавы. Брата же ея, Піетро, никто не ласкалъ, можетъ-быть, потому, что онъ былъ мальчикъ, или же потому, что онъ былъ угрюмаго и дикаго нрава. Онъ всегда оставался въ сторонѣ.

Такимъ образомъ Нанна привыкла, чтобы всѣ ею занимались. Она была ласковая дѣ-

вочка и, видя вокругъ себя постоянно привѣтливыя лица, она чувствовала себя счастливой и довольной.

III.

Время шло. Нанна росла и хорошѣла. Она не была тѣмъ, что называется „деревенская красавица“. Однако, она была достаточно сильна и здорова—для дѣвушки, выросшей въ низменной мѣстности, среди рисовыхъ полей, вѣчно окутанныхъ зловредными испареніями.

Правда, она была немного худощава, но стройна и граціозна: высока ростомъ, съ круглымъ личикомъ, съ огромными сѣрыми глазами, а ея бѣлокурые волосы были такъ длинны и густы, что когда въ субботу вечеромъ мать распускала ихъ, чтобы расчесать, они падали ей до колѣнъ.

Словомъ, Нанна была красива и выдѣлялась среди другихъ дѣвушекъ,—ни одна изъ нихъ не была такъ бѣла, какъ Нанна, ни у одной не было такихъ густыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Однажды зимой, когда семья собралась ужинать, прежде чѣмъ итти въ сарай на посидѣлки, Маддалена торжественно проговорила:

— Теперь Нанна ужъ невѣста.

— А сколько ей лѣтъ? — спросилъ Мартино, который, какъ мужчина, считалъ унизи-

тельнымъ для себя вести счетъ такимъ пустякамъ.

— Она двумя годами старше Піетро. Вотъ и считай: не сегодня, такъ завтра Наннѣ минетъ семнадцать лѣтъ. Ей нужно было бы купить серебряныя булавки въ волосы. Къ масленицѣ можно было бы и просватать ее, но безъ булавокъ ее никто не возьметъ!

Это была сущая правда. Въ этой области Италіи дѣвушки втыкаютъ въ волосы множество серебраныхъ булавокъ съ крупными головками, которыя образуютъ какъ бы сіяніе вокругъ головы. Этотъ вѣнчикъ считается необходимымъ украшеніемъ для дѣвушекъ, желающихъ найти себѣ жениха. Ни одинъ порядочный женихъ не возьметъ за себя дѣвушку, у которой нѣтъ головного убора изъ большихъ серебряныхъ булавокъ.

Мартино прекрасно зналъ это. Но послѣдніе годы были тяжелые. Огородъ приносилъ мало; плата за помѣщеніе была высока, и владѣлецъ не допускалъ отсрочки.

На всѣ мудрыя возраженія мужа, Маддалена повторяла одно и то же:

— Серебряныя булавки стоятъ по меньшей мѣрѣ три лиры каждая; для полнаго убора ихъ нужно двадцать-четыре штуки.

— Это составляетъ семьдесятъ-двѣ лиры, — вставила Нанна, уже не разъ сосчитавшая

это по пальцамъ. За послѣдній годъ она каждый вечеръ, засыпая, повторяла этотъ счетъ, который затѣмъ мерещился ей во снѣ.

— Семьдесятъ-двѣ лиры! Да на эти деньги можно купить цѣлыхъ три съ половиной свиньи!—воскликнулъ братъ ея Піетро, съ уваженіемъ глядя на сестру, которой предстояло носить въ бѣлокурой косѣ стоимость трехъ съ половиной свиней.

— Семьдесятъ-двѣ лиры!—со вздохомъ промолвила мать, покачивая головой и какъ бы подтверждая этимъ, что меньше никакъ нельзя, никакъ нельзя...

— Семьдесятъ-двѣ лиры! Какъ же быть, какъ же быть!—простоналъ отецъ.

IV.

Зимой, когда Маддалена съ дочерью сидѣли вмѣстѣ съ сосѣдками за прялками, къ нимъ въ сарай иногда заходили молодые парни и, между прочимъ, возчикъ, нѣкій Гауденціо. Онъ возилъ на своей телѣжкѣ къ сосѣднимъ помѣщикамъ песокъ, уголь и навозъ. Иногда онъ покупалъ на свой страхъ небольшія количества дровъ или хворосту и перепродавалъ ихъ на рынкѣ въ Новарѣ.

Гауденціо приводилъ въ восхищеніе всѣхъ дѣвушекъ въ околоткѣ. „Сейчасъ видно, что онъ въ городѣ побывалъ!“ говорили онѣ.

Гауденціо былъ главною причиной того, что Наннѣ и во снѣ и наяву мерещились серебряныя булавки.

Глядя на Гауденціо, какъ онъ шелъ, заложа руки въ карманы, выпятивъ локти, подергивая то однимъ, то другимъ плечомъ и откидывая голову назадъ,—Нанна невольно думала про себя: „Какъ ловко онъ ступаетъ; такъ навѣрное ходятъ господа въ Новарѣ!“

Гауденціо носилъ волоса, раздѣленные проборомъ надъ лѣвымъ вискомъ и взбитые надъ правымъ ухомъ въ громадный хохолъ, изъ котораго они топорщились, точно кинжалы. На самый проборъ была посажена крошечная шапочка, совершенно несоразмѣрная съ величиной головы и прически. Одинъ край ея опирался на лѣвое ухо, другой торчалъ прямо кверху. Шапочка какимъ-то чудомъ держалась на своемъ мѣстѣ — между небомъ и землей.

Да, въ цѣломъ мірѣ не найти человѣка, который умѣлъ бы такъ принарядиться и былъ бы такъ привлекателенъ, какъ Гауденціо,— въ этомъ Нанна была твердо убѣждена; а самъ Гауденціо и того болѣе!

Онъ считалъ себя удивительнымъ красавцемъ, этотъ Гауденціо. Являясь въ сарай, онъ съ видомъ побѣдителя становился среди молодыхъ красавицъ, покачиваясь и нахально ухмыляясь. Онъ такъ и сіялъ отъ самодовольства и точно хотѣлъ сказать окружающимъ: „Глядите, каковъ я молодецъ! Ну, не красавецъ ли я? Всѣ вы, небось, готовы мнѣ на шею кинуться!“

И всякій разъ, когда онъ заговаривалъ съ одной изъ дѣвушекъ, ему приходило въ голову:—„Осчастливилъ же я ее! Остальныя навѣрное готовы лопнуть отъ зависти!“

И вѣдь, надо правду сказать, это такъ и было. Молодыхъ дѣвушекъ плѣняло нахальство щеголя Гауденціо.

— Ахъ, если бы у меня только былъ серебряный уборъ! — говорила Нанна, глубоко вздыхая, съ болью въ юномъ сердечкѣ.

Но если бы у нея и былъ уборъ Гауденціо не сумѣлъ бы оцѣнить ея тонкой красоты. Ему нравились жирныя плечи, широкіе бока, ноги твердыя и толстыя какъ столбы, грудь пышная и высокая, и щеки, пылающія яркимъ румянцемъ.

— Что за лакомый кусочекъ!—восклицалъ онъ при видѣ дѣвушки или женщины, которая, казалось, готова была лопнуть отъ здоровья.—

Что за грудь, что за бока!.. Стоитъ-то какъ твердо, точно на столбахъ! Крррасавица, чортъ возьми!

Бѣдняжка Нанна думала, что возчикъ самый первый цѣнитель красоты, горевала о томъ, что такъ худа, и больше всего на свѣтѣ желала бы потолстѣть, чтобы нравиться Гауденціо.

Однако, зима съ ея свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ и отдыхъ отъ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ благотворно подѣйствовали на Нанну, и она, къ несказанной своей радости, стала замѣчать, что постепенно полнѣетъ, и что щеки ея покрываются небывалымъ румянцемъ.

Въ этотъ годъ масленица длилась особенно долго—до первыхъ чиселъ марта. Въ послѣдній вечеръ въ сарай пришли нѣсколько ряженыхъ и принесли съ собой гармонику, чтобы играть танцы.

Гауденціо смастерилъ себѣ турецкія шаровары изъ чьей-то старой юбки и обмоталъ голову шалью въ видѣ чалмы. Лицо онъ завѣсилъ платкомъ; однако, всѣ его тотчасъ же узнали по походкѣ и по тому ухарству, съ которымъ была надѣта чалма. Дѣвушки обступили его. Онѣ готовы были поклясться, что во всей Турціи не найдется болѣе красиваго турка.

При видѣ его Нанна съ восторгомъ вспомнила, что, когда она въ этотъ день надѣвала свой праздничный нарядъ, лифъ оказался ей узокъ въ груди; она украдкой удостовѣрилась рукой, что подъ косынкой онъ расходится, по крайней мѣрѣ, на четыре пальца. Смѣлѣе обыкновеннаго подошла она къ Гауденціо, чтобы съ нимъ поздороваться, и онъ немедленно выразилъ ей свое одобреніе, пригласивъ ее протанцовать съ нимъ.

— Прекрасно! — сказалъ онъ. — Начинаете выправляться! И локти уже не торчатъ, какъ прежде, и юбки не съѣзжаютъ съ боковъ.

Нанна приняла видъ самый равнодушный. Но, хотя эти замѣчанія заставляли ее стыдливо краснѣть, все же ея сердце радостно билось. Ей казалось, что въ словахъ Гауденціо сказывалась любовь, и она мысленно повторяла ихъ нѣсколько разъ и словно пьянѣла отъ нихъ.

V.

По прошествіи масленицы въ сараѣ за вечерними работами принялись обсуждать тѣ свадьбы, которыя наладились за эту зиму.

— Вотъ эта дѣвушка ровесница Наннѣ, — говорила Маддалена, — а вотъ эта едва на годъ

старше ея. Сестра Менинины на шесть мѣсяцевъ моложе... и ни у одной изъ нихъ нѣтъ такого запаса пука, какъ у нашей Нанны. Если бы у нея было „серебро“—и за нее бы посватались.

Что касается до Мартино, то ему, бѣднягѣ, было съ руки, чтобы Нанна еще пожила дома. Его сердце радовалось при видѣ яснаго личика и бѣлокурой головки. Когда пламя въ кухнѣ, бурно вздымаясь въ очагѣ, налетало на котелокъ, загораживающій ему путь, и сердито охватывало его своими огненными языками, а Нанна становилась передъ печью, вооруженная ложкой, чтобы не дать перекипѣть похлебкѣ,—тогда Мартино слѣдилъ за нею взглядомъ и подолгу молча любовался ею.

Однако, хозяйка его, казалось, такъ была оскорблена тѣмъ, что Нанна въ семнадцать лѣтъ еще не нашла себѣ жениха, а сама Нанна такъ явно страдала отъ этого униженія, что отецъ снова принимался считать! Тридцать лиръ можно было бы, пожалуй, кое-какъ наскрести...

Маддалена только плечами пожимала въ отвѣтъ.

— Много ли съ тридцатью лирами сдѣлаешь?

— Да откуда же мнѣ взять еще денегъ? Не расть же мнѣ ихъ?

Бѣдняга! Тридцать лиръ, то-есть тридцать дней тяжелаго труда; тридцать капель его крови! Онъ готовъ былъ ихъ отдать тутъ же, не колеблясь, чтобы купить какія-то булавки. Онъ, который питался одними овощами и грубымъ маисовымъ хлѣбомъ, и только въ большіе праздники позволялъ себѣ съѣсть кусочекъ мяса, всю недѣлю пилъ ключевую воду и весь годъ работалъ какъ каторжникъ! А женщины съ пренебреженіемъ относились къ этимъ деньгамъ! Если бы Мартино былъ въ состояніи измѣрить и взвѣсить всю несправедливость этихъ упрековъ, онъ бы сказалъ, что его жена и дочь жестоки и неблагодарны. Но онъ молчалъ. Обычай такъ настоятельно требовалъ этой покупки, что жалобы жены и дочери казались ему справедливыми; онъ мучился лишь тѣмъ, что не зналъ, гдѣ взять недостающія деньги. Онъ только и могъ повторять:

— Да если у меня ихъ нѣтъ!

— Я могла бы отправиться работать въ рисовомъ полѣ въ апрѣлѣ,—предложила Нанна.

— Больше тридцати дней ты не проработаешь,—замѣтила Маддалена,—такъ какъ въ серединѣ мая уже мотыженіе должно быть окончено. Тридцать дней по семидесяти чентезимо?..

— Составило бы двадцать двѣ съ половиной лиры, — вставила Нанна, которая бойко считала въ умѣ.

Не хватило бы еще двадцати лиръ.

— Если я вамъ не нуженъ дома, я тоже могъ бы наняться на работу въ рисовое поле, — предложилъ Піетро.

— Это дѣло, — подтвердилъ отецъ. — Тебѣ ужъ пятнадцать лѣтъ. Ты можешь такъ же зарабатывать семьдесятъ чентезимо, какъ любая поденщица.

Піетро былъ въ восторгѣ отъ мысли, что и онъ тоже чѣмъ-нибудь поспособствуетъ покупкѣ „серебра“. Онъ былъ такой же добрый, какъ и отецъ его, Мартино.

VI.

Во вторникъ Нанна съ братомъ въ сопровожденіи отца отправились на рынокъ въ Трекате. Вскорѣ нашелся помѣщикъ, который согласился платить имъ по семидесяти-пяти чентезимо въ день, какъ и предполагала Мадалена. Это была обычная плата. Работать приходилось отъ середины апрѣля до середины мая, почти не удаляясь отъ родного села. Хозяинъ обѣщался, сверхъ того, два раза въ день давать похлебку и маисоваго хлѣба.

На рынкѣ Нанна и Піетро встрѣтили сосѣдей и знакомыхъ, такъ же какъ и они пришедшихъ наниматься въ работники; нѣкоторые изъ нихъ попали къ тому же хозяину.

— Намъ нужно будетъ вмѣстѣ отправиться на работу,—говорили дѣвушки изъ Трекате,—съ нами пойдутъ еще Тереза и Маргерита.

— Конечно,—отвѣчала Нанна.—Вотъ вы подальше живете, такъ заходите за нами по дорогѣ.

— Тебѣ нравится работа въ рисовомъ полѣ?—спросила Нанну одна изъ ея товарокъ.

— Я въ первый разъ иду, и Піетро также. Мы нанялись, чтобы заработать денегъ на серебряныя булавки. Отецъ не въ состояніи мнѣ ихъ купить.

— Да, тебѣ пора бы завести серебро. Тамъ вѣдь вовсе не такъ трудно—въ рисовомъ-то полѣ. Нужно только привыкнуть. Въ семь часовъ идутъ въ поле; затѣмъ полагается полчаса на завтракъ, послѣ завтрака снова принимаются за работу до двѣнадцати. А тамъ дается свободный часъ для обѣда. Къ обѣду даютъ похлебку изъ риса съ бобами и хлѣба; постарайся только захватить съ собой чего-нибудь изъ дому на закуску, не то придется ѣсть черствый хлѣбъ. Ужъ къ концу недѣли хлѣбъ становится кислый и твердый какъ

камень. Ты старайся приберегать свой домашній запасъ въ пятницѣ и въ субботѣ. Если хлѣбъ ѣсть съ сыромъ, то не такъ замѣтно, что онъ кислый. Послѣ обѣда работаютъ до шести часовъ, затѣмъ ужинаютъ. А послѣ ужина—дѣлай что хочешь.

— Покорно благодарю! послѣ того, какъ простоишь цѣлый день съ мотыкой въ рукахъ!—сказала Нанна.

— Да, оно не легко, что и говорить... Но тамъ бываетъ весело! Мы нынче выпросили себѣ у хозяина шарманку и два раза въ недѣлю послѣ ужина будемъ плясать подъ музыку.

Несмотря на свое усердіе и трудолюбіе, Наннѣ никогда еще не приходилось работать по девяти часовъ въ день. Но молодость горяча и за все берется.

— Другіе съ этимъ справляются, справлюсь и я,—рѣшила она.

Артель рабочихъ вышла изъ Трекате въ воскресенье послѣ вечерни, и съ каждымъ селеніемъ толпа росла. Дойдя до мызы Лавателли, она была уже весьма многочисленна. Завидя мызу, дѣвушки и парни принялись пѣть. Нѣкоторые изъ нихъ забѣжали впередъ и, войдя во дворъ, стали кликать Нанну и ея брата:

— Нанна, Піетро, готовы ли вы?

Остальные, разбились на кучки, частью вдоль большой дороги, частью по проселку, ведущему къ дому. Кто стоялъ, кто сидѣлъ на травѣ, болтая или распѣвая вполголоса. Нанна и ея братъ были въ праздничныхъ нарядахъ; они уже ждали товарищей. Въ рукахъ у нихъ были узелки съ будничнымъ платьемъ и кое-какой закуской, чтобы ѣсть вмѣстѣ съ хозяйскимъ хлѣбомъ. Они въ первый разъ разставались съ родителями на продолжительное время. Но, что бы у нихъ ни происходило въ душѣ, прощанія не были особенно нѣжными. Итальянскіе поселяне преувеличенно стыдятся своихъ чувствъ. По ихъ понятіямъ, нѣжности и ласки пристали только господамъ. Ласки и поцѣлуи предоставляются дѣтямъ и женихамъ. Да и женихи стараются при постороннихъ скрывать свои нѣжныя чувства подъ видомъ напускной грубости.

— Прощайте, папа, прощайте, мама—кричали Нанна и Піетро, выбѣгая изъ дому.

— Прощайте, дѣти, — отвѣчалъ отецъ, — будьте веселы и здоровы!

— И не забывайте утромъ и вечеромъ молиться Богу,—прибавила мать.

Они оба вышли изъ дому вслѣдъ за дѣтьми и провожали ихъ до большой дороги. Тутъ

собралась вся артель. Дѣвушки шли впередъ, держа другъ друга подъ руку, и заняли дорогу во всю ея ширину. Парни шли позади. Нанна живо скинула башмаки, чтобы легче было итти, и, схвативъ ихъ въ одну руку, пустилась догонять товарокъ. Піетро присоединился къ мужчинамъ.

— Прощайте, дѣти,—доносились голоса стариковъ.—Да хранитъ васъ Господь!

— Прощайте,—въ послѣдній разъ крикнули дѣти, и Нанна весело помахала имъ башмаками.

Затѣмъ всѣ отправились въ путь, хоромъ подхвативъ прерванную пѣсню.

Въ этотъ вечеръ домъ показался мрачнымъ старому Мартино. А Маддалена все жаловалась, что печь дымитъ и что дымъ ей глаза щиплетъ.

У нея, у бѣдняжки, дѣйствительно, глаза были красные и опухшіе, но дыма не было замѣтно въ кухнѣ. И Мартино, который это видѣлъ, проговорилъ съ тяжелымъ вздохомъ, точно у него на груди лежалъ камень:

— Что же дѣлать? Бѣднымъ людямъ нужно терпѣть!

VII.

Въ понедѣльникъ съ семи часовъ утра обширное рисовое поле было усѣяно народомъ. Дѣвушки работали въ короткихъ юбкахъ, съ босыми ногами и съ ярко-цвѣтными платками на головахъ, парни въ бѣлыхъ рубахахъ и съ подвернутыми штанами.

Работа была тяжелая, и потъ съ нихъ лилъ градомъ.

Нанна попыталась было затянуть пѣсню, но это ей не удалось. Нужно много силы, чтобы владѣть мотыкой и врѣзаться ею въ землю, и при каждомъ размахѣ—внутри ея все вздрагивало.

— Тутъ не запоешь,—сказала она.

— Никто и не поетъ при мотыженіи,—отвѣчала дѣвушка изъ Трекате, которая работала рядомъ съ нею.—Развѣ ты никогда не мотыжила?

— Случалось, да не подолгу.

— Поютъ только тогда, когда полютъ рисовыя гряды,—продолжала сосѣдка Нанны,—да еще при уборкѣ.

— Да, это не легкая работа,—сказала со вздохомъ Нанна.

— Хорошаго въ ней мало,—согласилась подруга,—но зато мы нынче вечеромъ будемъ плясать для почину.

— А ты знаешь возчика Гауденціо?—спросила неожиданно Нанна.—Какъ только рѣчь зашла о танцахъ, ей тотчасъ же вспомнился Гауденціо.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчала Тереза.

— Вотъ такъ танцуетъ! Съ нимъ точно по маслу катаешься!

— Да вѣдь его тутъ нѣтъ.

— Онъ, можетъ-быть, придетъ сюда. Мама говорила, что если ему случится по своимъ дѣламъ ѣхать въ нашу сторону, она его попроситъ отвезти намъ кое-какихъ харчей. Тогда ты его увидишь.

— Онъ твой женихъ, что ли?

— Нѣтъ. У меня вѣдь еще нѣтъ серебра.

И Нанна почувствовала, какъ кровь прихлынула ей къ лицу при вопросѣ товарки. Но этого нельзя было замѣтить, такъ какъ отъ усиленной работы у нея щеки и безъ того разгорѣлись какъ макъ. Разговоръ прервался, и дѣвушки продолжали молча мотыжить. Но день прошелъ, какъ будто довольно быстро и не показался Наннѣ черезчуръ тяжелымъ.

Быть невѣстой Гауденціо! Объ этомъ Нанна могла мечтать цѣлыми часами; какія дивныя картины представлялись ея воображенію! Вотъ они возвращаются вдвоемъ отъ вечерни;

медленно идутъ вдоль дороги... И сколько они находятъ сказать другъ другу!.. Нанна не знала, что именно говорятъ между собой влюбленные. Но она была увѣрена, что слова эти волшебно хороши; при одной мысли о нихъ она вся трепетала. А нѣжныя подталкиванія локтемъ, а взгляды долгіе и глубокіе, точно проникающіе въ душу! Какъ часто она все это видѣла между влюбленными! Но вечеромъ, несмотря на всѣ эти радостныя мечты, которыя ей такъ облегчили работу, Нанна чувствовала себя разбитой отъ усталости.

— Мнѣ не хочется танцовать. Я буду смотрѣть, какъ пляшутъ другіе, — сказала она, усаживаясь на бревно передъ домомъ, между тѣмъ какъ рабочіе плясали на току.

Окружающія равнины затянулись густою бѣлою пеленой въ ростъ человѣка. Казалось, что поля дымятся, или что на ихъ мѣстѣ разлилось огромное озеро, въ серединѣ котораго, точно островъ, возвышались дворовыя постройки. Всякій, кто посмотрѣлъ бы со стороны, увидалъ бы, что и дворъ, и домъ, и шарманка, на которой играли, точно такъ же окутаны туманомъ.

Нанна почувствовала, какъ сырость проникаетъ ей до костей; ей стало холодно, и она затряслась какъ въ лихорадкѣ.

„Что же дѣлать! Нужно итти плясать,—подумала она:—сидѣть на мѣстѣ еще хуже—холодъ меня насквозь прохватываетъ“.

Она присоединилась къ подругамъ, съ которыхъ потъ уже лилъ градомъ, и которыя пыхтѣли какъ кузнечные мѣхи.

VIII.

Въ четвергъ, приблизительно за полчаса до обѣда, Нанна услыхала стукъ колесъ по большой дорогѣ, тянувшейся вдоль рисовыхъ полей. Она воткнула мотыку въ землю и, опершись на нее, какъ на костыль, обернулась, чтобы поглядѣть въ ту сторону, откуда раздавался стукъ колесъ. Ей показалось, что она узнаетъ телѣжку и лошадь Гауденціо; но ни впереди телѣги, ни сзади, ни сбоку, не было видно самого возчика. Вдругъ раздались три оглушительные и раскатистые удара бича. Такъ искусно щелкать бичомъ могъ только Гауденціо! Нанна вся встрепенулась, и такъ и замерла на мѣстѣ съ вытянутою шеей... Блаженная улыбка озарила все ея лицо.

Такъ щелкать бичомъ могъ только Гауденціо.

Нанна не могла скрыть своего восторга. Она обернулась къ сосѣдкѣ и радостно шепнула ей:

— Тереза, Тереза, вѣдь это Гауденціо!

— Гдѣ?—спросила та.

— Вонъ тамъ, на большой дорогѣ. Видишь? Это его телѣжка. Онъ, вѣроятно, растянулся на дровахъ...

Въ эту минуту повторилось хлопанье бича.

— Что за дьяволъ!.. Вѣдь такъ щелкать кнутомъ никто не сумѣетъ!

Покуда она смѣялась отъ радости и волненія—послышался здоровенный голосъ:

— Нанна! А Нанна-а-а!

— Ау-у!—изо всей силы крикнула Нанна въ отвѣтъ, приставивъ руки ко рту въ видѣ трубы.—Это вы, Гауденціо?

— Да-а. Буду дожидаться васъ на току-у-у.

Остальное время до обѣда казалось Наннѣ вѣчностью. Если бы она работала на своей собственной землѣ, она бы все бросила и побѣжала бы къ сараю. Но тутъ нужно было дотянуть до послѣдней минуты. Наконецъ пробило двѣнадцать, и всѣ рабочіе направились къ дому. Нанна пошла съ остальными, притворяясь равнодушной и стараясь итти медленно, не спѣша.

Красавецъ Гауденціо вышелъ къ ней навстрѣчу, раскачиваясь и поддергивая ногами.

— Какъ поживаете, Нанна?—спросилъ онъ, окидывая взглядомъ работницъ и кивая самымъ красивымъ и бойкимъ изъ нихъ.

— Отлично. А вы какъ, Гауденціо? Какъ поживаютъ отецъ съ матерью?

— Прекрасно. Маменька посылаетъ дѣткамъ свѣжій хлѣбъ, сыру и колбасы и строго наказываетъ не ѣсть ея въ постные дни.

Піетро подошелъ къ нимъ, чтобы получить свою долю гостинцевъ и послушать новостей.

Въ это время рабочимъ раздавалась похлебка. Женщины усѣлись въ сторонѣ, кто на землѣ, кто на бревнахъ; Гауденціо уговорился съ хозяйкой, и за нѣсколько сольди*) получилъ также чашку похлебки.

Надо было его видѣть въ эту минуту! Онъ принялся за ѣду, стоя передъ женщинами, выставивъ впередъ лѣвую ногу и откинувъ туловище назадъ, точно намѣревался пуститься въ плясъ. Пальцы лѣвой руки онъ растопырилъ въ видѣ блюдечка и на кончикахъ ихъ поставилъ свою чашку съ похлебкой. Какъ онъ ловко это дѣлалъ! Онъ напоминалъ фокусника и, казалось, что вотъ-вотъ онъ подброситъ чашку на воздухъ, поймаетъ ее на кончикъ палки и заставитъ ее вертѣться.

*) Нѣсколько копеекъ.

Нанна была въ полномъ восторгѣ. Ей не сидѣлось, она то поглядывала на него, то оборачивалась къ своимъ товаркамъ, чтобы насладиться ихъ восхищеніемъ. Глаза ея блестѣли отъ счастья и гордости и, казалось, говорили всѣмъ: „Что, хорошъ молодецъ? Такъ знайте же, что онъ мой знакомый и пришелъ только для меня, потому что я здѣсь!“

И, какъ будто желая выказать свои права на него и свое преимущество передъ товарками, она крикнула ему весело:

— Кушайте на здоровье, Гауденціо!

— За здоровье всей компаніи!—громко отвѣчалъ ей Гауденціо.

На этотъ разъ Гауденціо нельзя было оставаться до вечера и участвовать въ танцахъ, такъ какъ ему нужно было отвезти дрова въ городъ Верчелли. Но онъ обѣщалъ заѣхать на возвратномъ пути и провести тутъ вечеръ въ воскресенье.

Въ продолженіе всего остального дня только и было разговору, что о Гауденціо.

Дѣвушки не рѣшались громко высказывать свои впечатлѣнія, но онѣ частенько о немъ вспоминали,—то сравнивали его со своими вздыхателями, то желая себѣ подобнаго жениха.

— Вотъ этого ничѣмъ не смутишь; онъ смѣлъ, какъ жеребенокъ, — говорили онѣ, наперерывъ расхваливая Гауденціо.

За ужиномъ всѣ молодые парни, которые были приблизительно сверстники Піетро или немного старше его, захотѣли ѣсть свою похлебку какъ Гауденціо — стоя и поддерживая чашку на кончикахъ пальцевъ. Въ этотъ вечеръ было побито много посуды, и женщины говорили, что это дурная примѣта, что это либо къ ссорамъ, либо къ несчастію.

IX.

Несчастіе не заставило себя ждать. Дѣвушки, которыя ушли изъ дому здоровыя и бодрыя, съ пѣснями и со смѣхомъ, со дня на день блѣднѣли и худѣли. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось въ первые же дни бросить работу и слечь въ больницу. Аннѣ по вечерамъ казалось, что у нея всѣ кости разломаны, точно ее били. Она часто ложилась спать тотчасъ послѣ ужина. Но по воскресеньямъ, когда являлся Гауденціо, она пріободрялась и плясала, плясала до полнаго изнеможенія. Она плясала то съ нимъ, чтобы насладиться его обществомъ, то съ другими, чтобы красоваться

передъ нимъ. Однако, мало-по-малу охота танцовать у всѣхъ пропала; четвертая недѣля прошла грустно и мрачно, точно Великій постъ.

Еще оставалось много работы, и надсмотрщики немилосердно понукали поденщиковъ; тѣ, которые были налицо, должны были работать и за себя, и за выбывшихъ по болѣзни товарищей.

Въ послѣднюю субботу Нанну во время работы схватилъ сильныйознобъ, и она съ трудомъ дотянула до вечера.

— У меня жаръ и ознобъ,—сказала она брату,—я завтра, пожалуй, не встану.

Но на другой день ей стало лучше, и присутствіе Гауденціо придавало ей новыя силы. Въ понедѣльникъ она снова почувствовала себя дурно. Во вторникъ ей показалось, что она совершенно здорова.

Такъ дотянула она кое-какъ до конца мѣсяца. Но, Боже, какъ она перемѣнилась! Трудно было узнать въ ней прежнюю Нанну.

Возвращаясь домой, она съ трудомъ передвигала ноги. Товарки ея также шли вяло, точно черезъ силу. Самыя бодрыя изъ нихъ вздумали было затянуть пѣсню какъ тогда, когда онѣ шли на работу. Но ихъ было мало, и пѣніе то и дѣло обрывалось.

Нанна дышала тяжело, точно у нея въ груди раздувались мѣхи. Губы у нея были блѣдныя. Это собственно не былъ лихорадочный день; но усталость отъ ходьбы, присоединенная къ утомленію отъ тяжелаго труда, дождь, который моросилъ уже съ часъ, вечерній воздухъ,—все это вмѣстѣ сократило промежутокъ между припадками болѣзни. Ей казалось, что путешествіе никогда не кончится... Она считала столбы, поставленные вдоль дороги. Ихъ было девять между каждымъ телеграфнымъ столбомъ и слѣдующимъ.

— Сколько телеграфныхъ столбовъ приходится на каждый километръ?—спросила она.

Затѣмъ, слѣдуя своему врожденному вкусу къ ариѳметикѣ, она принялась считать ихъ, и ей казалось, что она этимъ хоть нѣсколько сокращаетъ путь. Несмотря на это, она отставала отъ другихъ. Силы ей измѣняли. Піетро уже раньше взялся нести ея узелокъ.

— Опирайся на мою руку. Ты меньше будешь уставать,—предложилъ онъ ей.

Но Нанна не хотѣла и слышать объ этомъ: всѣ подняли бы ее насмѣхъ, если бы она вздумала итти съ братомъ подъ руку—точно барышня съ молодымъ господиномъ или невѣста съ женихомъ.

Наконецъ, за ними послышался стукъ колесъ и на дорогѣ показалась телѣга. Всѣ остановились и стали дожидаться ее.

— Попросите этого человѣка подсадить къ себѣ сестру,—обратился Піетро къ женщинамъ, не рѣшаясь самъ заговорить съ проѣзжимъ.

— Ахъ ты болванъ,—отвѣчала ему въ знакъ согласія молодая бабенка и, направляясь къ человѣку, который шелъ рядомъ со своимъ лошакомъ, крикнула ему:—Не возьмете ли вы къ себѣ на телѣгу вонъ ту дѣвушку? Ее трясетъ лихорадка.

— Что жъ, пусть влѣзаетъ... Только у меня тутъ песокъ, ей не мягко придется сидѣть,—отвѣчалъ тотъ, не останавливаясь.

— Ну, это не бѣда, лишь бы ей не итти пѣшкомъ.

— Да стой же, наконецъ!

— Но-а! но-а!—крикнулъ мужикъ своему лошаку, лѣниво натягивая вожжи.

Телѣга медленно остановилась.

Нанна съ помощью товарокъ влѣзла въ телѣгу и сѣла на песокъ, спустивъ ноги.

— Надѣнь башмаки,—сказалъ ей Піетро,—у тебя ноги, какъ ледъ.

— Вотъ еще! я до сихъ поръ несла ихъ въ рукахъ, такъ и еще понесу... Да къ тому же, они, пожалуй, свалятся у меня съ ногъ, когда мы поѣдемъ.

И Нанна продолжала свой путь, сидя босикомъ на сыромъ пескѣ и подъ проливнымъ дождемъ. Но, сидя такъ, она думала: „Ахъ, если бы это была телѣга Гауденціо!" И въ жару ей начинало мерещиться, что это дѣйствительно его телѣга и что она лежитъ не на мокромъ пескѣ, а на мягкой перинѣ.

Въ понедѣльникъ Нанна совсѣмъ расхворалась. Во вторникъ ей стало еще хуже. Отецъ отправился за окружнымъ докторомъ. Но докторъ жилъ далеко и не могъ бы пріѣзжать ежедневно къ больной.

— У нея перемежающаяся лихорадка,—рѣшилъ онъ,—и болѣзнь можетъ затянуться. Ей нужно будетъ принимать много лѣкарствъ и хорошо питаться. Всего лучше помѣстить ее въ больницу въ Новару. Тамъ за ней будетъ уходъ лучше, чѣмъ дома. Сколько я туда отправилъ этихъ женщинъ съ лихорадками, схваченными въ рисовыхъ поляхъ!

Мартино безъ всякаго труда получилъ свидѣтельство о бѣдности. Бѣдняга! у него только и было, что свои двѣ руки да тѣ злополучныя тридцать лиръ, которыя онъ назначилъ

на покупку булавокъ для дочери, и ничего другого!

Въ четвергъ утромъ Нанну перевезли въ больницу въ общественной телѣгѣ. Мать шла рядомъ съ телѣгой и несла корзину съ овощами на продажу въ городъ.

Старики были поражены перемѣной въ Каннѣ. Однако, они мало придавали значенія ея болѣзни. Итальянскіе крестьяне такъ привыкли къ лихорадкѣ, что мало на нее обращали вниманія. У нихъ сложилась такая про нее пословица: „Молодые отъ нея пуще цвѣтутъ, а старые какъ мухи мрутъ“.

Нанна была молода, ей не грозила опасность.

Да къ тому же, она схватила лихорадку въ рисовомъ полѣ! Кто черезъ это не прошелъ? Всякій знаетъ, что это за болѣзнь!

Бѣдная Маддалена! вѣдь и холера—болѣзнь извѣстная. Но ей эта мысль казалась утѣшительной.

Нанна пролежала въ больницѣ около двухъ недѣль. И каждый разъ, навѣщая ее, Маддалена приходила съ карманами, набитыми разными лакомствами въ такомъ количествѣ, что можно было бы ими накормить трехъ здоровыхъ мужиковъ. И каждый разъ у нея при входѣ отнимали все это, и она входила къ

дочери съ пустыми карманами, ворча на строгія правила больницы.

Можетъ-быть, благодаря именно этимъ-то строгимъ правиламъ—больная Нанна не сдѣлала никакой неосторожности и поправилась такъ быстро.

Мартино по праздникамъ также навѣщалъ Нанну; онъ садился около ея кровати и, помолчавъ иногда съ полчаса, уходилъ, торопливо и смущенно поцѣловавъ дочь. Когда же онъ говорилъ, то все о серебряныхъ булавкахъ. Мать купила-таки булавки на его деньжонки и на тѣ деньги, которыя дѣти заработали въ рисовыхъ поляхъ.

То были чудныя булавки, съ гранеными шариками величиной съ орѣхъ.

— На тебя смотрѣть будетъ больно, когда ты вколешь ихъ себѣ въ косу,—говорилъ Мартино.—Точно солнце засіяетъ на затылкѣ!

Онъ смѣялся и притворялся довольнымъ; но, выходя изъ ея палаты и проходя между рядами кроватей, на которыхъ стонали и ворочались больные, ему невольно приходило на умъ, что если умрутъ ея ближайшія сосѣдки, то Нанна окажется между двумя покойницами. И, уходя, онъ бормоталъ про себя: „Проклятое серебро!“

X.

Когда Нанна настолько поправилась, что ее можно было выписать изъ больницы, Маддалена отправилась за нею, захвативъ съ собою драгоцѣнныя булавки, бережно завернутыя въ бумажку и сверхъ того еще въ платочекъ.

Нанна просіяла отъ счастья. Скинувъ съ себя одѣяло, она быстро одѣлась, и Маддалена въ первый разъ причесала ее, и воткнула въ закрученные на затылкѣ волосы серебряныя булавки, которыя окружили головку дѣвушки полукруглымъ сіяніемъ.

— Вотъ теперь ты настоящая невѣста!— говорила мать, глядя на нее съ восхищеніемъ.

Нанна сіяла отъ счастья.

Идя рядомъ съ матерью по улицамъ города Новары, она то и дѣло оборачивалась, чтобы смотрѣть на себя въ зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ. Проходя мимо одного трактира, гдѣ въ этотъ часъ дня всѣ двери и окна были настежь раскрыты, она вдругъ увидала свое отраженіе во весь ростъ въ огромномъ зеркалѣ, вдѣланномъ въ стѣну противъ двери. Она не удовольствовалась бѣглымъ взглядомъ на себя. Она быстро взбѣжала п ступень-

камъ и, остановившись у входа въ трактиръ напротивъ самаго зеркала, принялась во всѣ глаза разглядывать себя.

— Мама, мама, посмотрите, посмотрите!— восклицала она, съ волненіемъ стискивая руки и сжимая ихъ между колѣнами, въ неудержимомъ восторгѣ и счастьи захлебываясь отъ хохота.

Опять и опять принималась она себя разглядывать и опять начинала смѣяться. Нарядный уборъ и радость, разлитая по лицу Нанны, помѣшали на первыхъ порахъ отцу и знакомымъ замѣтить, до какой степени она была худа и блѣдна. Губы у нея были почти бѣлыя.

Впрочемъ, послѣ болѣзни она стала много ѣсть и понемногу полнѣть и розовѣть, такъ что скоро всѣ, и она первая, забыли объ ея болѣзни.

Когда она встрѣчала кого-нибудь изъ прежнихъ товарокъ по работѣ, ее спрашивали:

— Ты пойдешь нынче полоть рисовыя гряды?

— Не знаю,—я вѣдь тамъ схватила лихорадку.

— Такъ что же изъ этого? Теперь уже прошло время лихорадокъ. Это ты съ перваго раза расхворалась, а потомъ привыкнешь. Полоть рисъ очень выгодно. Сперва даютъ по

лирѣ въ день, а затѣмъ все набавляютъ. Въ прошломъ году я подъ конецъ по двѣ лиры въ день зарабатывала.

— А лихорадки не схватила?

— Схватить-то—схватила, да скоро поправилась. И все же сорокъ лиръ заработала. На эти деньги приданое себѣ буду готовить.

Съ тѣхъ поръ, какъ прекратились посидѣлки въ сараѣ, Гауденціо рѣдко показывался у Лавателли... Какъ-то разъ, скоро послѣ возвращенія Нанны изъ больницы, онъ проѣздомъ заглянулъ къ нимъ. Нанна выбѣжала къ нему навстрѣчу, чтобы показаться во всей красѣ—съ серебряными булавками въ волосахъ.

— А! завели себѣ, наконецъ, „серебро",—замѣтилъ Гауденціо и прибавилъ съ обычною своей безстыжестью, глядя на жалкую, плоскую грудь Нанны и проводя рукой по своему жилету.—Однако, мнѣ кажется, что у васъ здѣсь кто-то рубанкомъ прошелся.

Нанна смутилась и поспѣшила скрыться въ кухню. Съ тѣхъ поръ она его не видала, но ей не разъ приходило въ голову, что „полольщицы", навѣрное, видаютъ его въ рисовомъ полѣ. Вѣдь онъ сказалъ на прощаніе въ послѣднее воскресенье: „Увидимся во время полки риса".

Между тѣмъ уже наступилъ іюнь мѣсяцъ, и Нанна начала волноваться, такъ долго не видя Гауденціо. Наконецъ, она рѣшилась заикнуться родителямъ о томъ, что она хочетъ опять наняться въ работницы.

— Пережди этотъ годъ,—сказалъ ей на это отецъ:—ты вѣдь тамъ лихорадку схватила.

— Да мнѣ лихорадка никакого вреда не сдѣлала. Я только выросла послѣ нея и стала больше ѣсть.

— Это сущая правда. Молодымъ лихорадка не вредитъ,—вступилась Маддалена, желая сдѣлать удовольствіе дочери.

Впрочемъ, она сама въ молодости ежегодно отправлялась въ рисовое поле на всѣ работы; раза два и она прихворнула лихорадкой и все же снова туда возвращалась.

— И вѣдь жива же осталась!—говорила она.

Дѣйствительно, она не умерла. Да и рѣдко кто умираетъ отъ такой жизни. Но зато вся молодость и все здоровье уходятъ на нее. Въ тридцать лѣтъ женщины становятся старухами.

Маддаленѣ было не болѣе тридцати-девяти лѣтъ, а на видъ всякій далъ бы ей шестьдесятъ.

— Да куда же ты хочешь наниматься?—спросилъ Мартино.—Работники изъ Трекате уже третьяго дня ушли.

— Беппо теперь ищетъ работницъ, чтобъ замѣнить тѣхъ, которыя захворали,—отвѣчала Нанна, которая уже все разузнала.— Послѣ завтра съ нимъ отправится Тереза изъ Галліато и дочь сторожа. Онѣ со мной вмѣстѣ были весной на работѣ, а потомъ и въ больницѣ.

— Какъ знаешь!—отвѣчалъ со вздохомъ отецъ.—Но берегись лихорадки! Полоть рисъ— дѣло не легкое.

— Вѣдь это я тогда простудилась потому, что вечера были холодные, да и дожди все время лили. А теперь и ночью жарко!

И Нанна радостно принялась считать; по ея расчетамъ выходило, что она можетъ заработать цѣлыхъ тридцать-семь лиръ на приданое. И она опять стала думать о Гауденціо. Почемъ знать?

На слѣдующій день Мартино вытащилъ старый чулокъ, въ которомъ онъ хранилъ деньги для уплаты за квартиру. Эти деньги онъ собиралъ по крохамъ—и изъ нихъ-то, волей-неволей, пришлось взять четыре лиры (цѣлыхъ четыре лиры!), чтобъ дать ихъ въ видѣ залога подрядчику, который нанималъ его дочь.

И во второй разъ Нанна покинула родительскій домъ и отправилась въ рисовое поле.

XI.

На этотъ разъ плантаціи, куда ее назначилъ подрядчикъ, находились на порядочномъ разстояніи отъ мызы—близъ города Верчелли. Женщины, въ особенности тѣ, которыя недавно только оправились отъ болѣзни, пришли туда уже утомленныя и съ распухшими и ноющими отъ ходьбы ногами. Сидя на соломѣ, которая должна была служить ей постелью, Нанна держала въ рукахъ свои бѣдныя, пылающія ноги и ужасалась, глядя на нихъ. Но товарки ее утѣшали.

— Не обращай на это вниманія и ложись спать. Завтра твои ноги все время будутъ въ водѣ, и это ихъ такъ освѣжитъ, что лучше не надо.

Болтая и смѣясь, онѣ укладывались на соломѣ и скоро крѣпко заснули. И Нанна кончила тѣмъ, что также заснула. Она была такъ утомлена, что проспала до самаго утра, ни разу не перевернувшись. Открывъ глаза, она съ удивленіемъ оглянулась. Все еще ночь?

Еще не было четырехъ часовъ. Къ четыремъ полагалось уже быть на работѣ. Едва начинало свѣтать. Вся безконечная равнина была покрыта тяжелою, сѣрою пеленой тумана.

Нанну охватилъ безотчетный ужасъ, когда она пришла на поле. Вода ей была выше колѣнъ, и голову окутало густое бѣлое облако, за которымъ нельзя было ничего различить. Ей сжимало грудь, точно нечѣмъ было дышать.

— Боже мой!—шептала она.—Мнѣ кажется, что этотъ бѣлый туманъ и есть сама лихорадка, что она въ меня забирается чрезъ носъ, чрезъ уши, чрезъ ротъ!

Она вся тряслась.

— Эй! дѣвушка! за работу!—прикрикнулъ на нее надсмотрщикъ.

Она поспѣшно нагнулась и принялась полоть сорную траву. Но она чувствовала себя тоскливо въ этой сѣрой равнинѣ. Она съ трудомъ удерживала слезы и отъ времени до времени украдкой поглядывала кверху, чтобы увидать, не покажется ли, наконецъ, солнце и не разгонитъ ли оно этотъ туманъ, который какъ камень давилъ грудь и сердце.

Бѣдная Нанна! Она не знала, чего желала. Когда показалось солнце,—іюньское, палящее солнце,—она почувствовала, что оно прожигаетъ ей темя до самаго мозга. Потъ лилъ съ нея градомъ и падалъ большими каплями въ воду, по которой разбѣгались кружочки, точно отъ брошенныхъ камешковъ. И изъ этой стоя-

чей и нагрѣтой воды подымались зловонные пары, отъ которыхъ тошнило и всю душу выворачивало.

Къ двумъ часамъ солнце до того раскалилось, что Ваннѣ начало казаться, будто огненные языки охватываютъ все ея тѣло и высасываютъ ея кровь. И по мѣрѣ того, какъ жара прибавлялась, зловоніе отъ воды становилось невыносимѣе. Нанну тошнило. Она выпрямилась. Жилы на лбу у нея раздулись и глаза налились кровью отъ наклоннаго положенія.

— Да вѣдь это адская жизнь!—вырвалось у нея съ отчаянья.

— Эй тамъ!.. За работу, Нанна! — послышался голосъ надсмотрщика.

— Давай пѣсню затянемъ,—предложила сосѣдка Нанны, болѣе притерпѣвшаяся къ этой пыткѣ.—Время скорѣе пройдетъ. Теперь остается всего два часа до ужина.

И она затянула пѣсню.

Полольщицы подхватили, и пѣсня пронеслась по всему полю.

Нанна также начала было пѣть, но ее слишкомъ сильно тошнило, она не была въ состояніи продолжать. Медленный, мѣрный и заунывный напѣвъ пѣсни довелъ ее до слезъ.

Къ четыремъ часамъ, когда она вышла изъ воды, послѣ столькихъ мучительныхъ часовъ,— она была ослѣплена яркимъ блескомъ безпредѣльнаго бѣлаго пространства, озареннаго солнцемъ. Отъ продолжительнаго глядѣнія въ воду, блестящую какъ зеркало, глаза ея сильно утомились. Куда она ни глядѣла, передъ глазами у нея носились голубые кружочки.

„Господи! какъ мнѣ это перенести!—думала она. Но, взглянувъ на товарокъ, которыя, несмотря на жару и на струившійся съ нихъ потъ, шли весело отдыхать, точно послѣ обыкновенной работы, она успокоилась немного, сказавъ себѣ:—Если онѣ привыкли, могу привыкнуть и я“.

Между тѣмъ до нея долетѣлъ разговоръ двухъ здоровенныхъ работницъ, которыя шли передъ нею:

— Сколько ты наловила?

— Пять штукъ.

— Что же, ты за нихъ получишь лиру. Все равно, что за полдня работы, и безъ всякаго труда.

Безъ всякаго труда! Эти слова отозвались чѣмъ-то волшебнымъ въ ушахъ бѣдной Нанны въ эту минуту утомленія и унынія. Она стала прислушиваться.

— Лиру?—сказала первая работница.—Развѣ ты считаешь по двадцати чентезимо за штуку?

— А то какъ же? Мнѣ всегда такъ платили.

— Гдѣ же это? Мнѣ никогда больше трехъ сольди не давали.

— Да ты вѣрно не тамъ продавала. Вотъ пойдемъ со мной въ воскресенье, я тебя научу, какъ выручать за нихъ по двадцати чентезимо.

Желая узнать, какимъ это колдовствомъ можно зарабатывать деньги, безъ всякаго труда, Нанна окликнула работницъ:

— Дѣвушки, что это вы собираетесь продавать въ Новарѣ?

— Піявокъ,—отвѣтила одна изъ дѣвушекъ, останавливаясь, чтобы дать Наннѣ поравняться съ ними.—А ты ихъ наловила?

— Нѣтъ. Онѣ сперва начали было увиваться около моихъ ногъ, да я ихъ спугнула.

— Куракамъ счастье! А мы только и ждемъ, чтобы онѣ присосались, да поскорѣе ихъ хватать, а то онѣ могутъ улизнуть, а на глазахъ у надсмотрщика некогда за ними гнаться.

— А погляди-ка, сколько крови онѣ у васъ насосали,—замѣтила Нанна, указывая на загорѣлыя ноги дѣвушекъ, изъ которыхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочилась кровь.

— Велика бѣда,—отвѣтила работница, пожимая плечами. — Это кровь дурная, ея не жалко. Піявки уберегають насъ отъ болѣзни.

— Да стоитъ только положить на рану паутинку, такъ и кровь перестанетъ итти!—прибавила вторая работница.

Подойдя къ сараю, дѣвушки побѣжали къ углу сѣновала и, набравъ нѣсколько пыльныхъ паутинокъ, наложили ихъ на ранки. Кровь мгновенно остановилась.

„А вѣдь онѣ правду говорятъ, — подумала Нанна.—Только я не буду давать піявкамъ присасываться до самаго вечера и не потеряю много крови. Да, впрочемъ, что такое чашка крови въ сравненіи съ такимъ днемъ, какъ сегодняшній!“

И она принялась считать: если въ теченіе пятнадцати дней она будетъ ловить по три піявки въ день, она выручитъ девять лиръ,— столько же, сколько она получаетъ за пять дней каторжной работы, и ей можно будетъ пятью днями раньше отправиться домой безъ ущерба для своего кармана.

Она легла спать, успокоенная этой мыслью, и со слѣдующаго дня стала подставлять свои бѣдныя ноги укушенію яростныхъ маленькихъ животныхъ. Какъ только она чувствовала ихъ укушеніе, она проворно хваталась

рукой за ногу и, поймавъ піявку, совала ее въ маленькую скляночку, которую спрятала за пазухой. Въ этотъ первый день ей посчастливилось поймать пять піявокъ, и, вернувшись съ работы, она поспѣшно стала искать паутины, чтобы затянуть ею ранки. Она была очень довольна, но чувствовала слабость и съ нетерпѣніемъ ожидала ужина.

На бѣду, тотъ же подрядчикъ, который нанималъ рабочихъ, взялся также доставлять имъ харчи.

Владѣлецъ полей выдавалъ деньги на уплату пятидесяти работницамъ въ теченіе мѣсяца, считая по двѣ лиры въ день на человѣка, а также давалъ по сорока чентезимо въ день на харчи каждой. Подрядчикъ же нанялъ всего сорокъ работницъ и заставлялъ ихъ работать за пятьдесятъ человѣкъ, платилъ онъ имъ всего по одной лирѣ и восьмидесяти чентезимо. А что касается харчей, то онъ кормилъ ихъ вываренным рисомъ съ капустой, заправленнымъ щепоткой соли и кусочкомъ прогорклаго сала. Послѣ десяти часовъ каторжной работы онъ имъ давалъ такую пищу, какой не стали бы ѣсть и собаки.

Нанна не могла проглотить этого варева. Она съѣла кусокъ хлѣба съ сыромъ, который

захватила изъ дому, и улеглась въ сараѣ на соломѣ, гдѣ вскорѣ къ ней присоединились и остальныя поденщицы.

XII.

Никакое здоровье не могло противостоять этой жизни. Работницы слабѣли съ каждымъ днемъ. Когда онѣ по утрамъ шли сквозь туманъ на работу, блѣдныя, задыхающіяся, съ провалившимися глазами и еле передвигая ноги, онѣ казались привидѣніями. Несмотря на это, онѣ въ воскресенье, послѣ цѣлой недѣли такого ужаснаго труда, снова чуть-свѣтъ подымались, чтобы итти въ Новару, продавать свои піявки. Нанна охотно бы полежала еще на соломѣ, наслаждаясь отдыхомъ. Но и ей нужно было сбыть свои піявки. Да къ тому же запасъ домашнихъ харчей весь вышелъ, нужно было закупить чего-нибудь, такъ какъ она не въ силахъ была ѣсть хозяйской похлебки. Она встала нехотя, расправляя свои онѣмѣвшіе члены, одѣлась въ праздничный нарядъ и, взявъ въ руки башмаки, отправилась съ товарками въ Новару.

На возвратномъ пути Нанна совершенно выбилась изъ силъ. Ей съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Во время весенняго мотыженія съ нею былъ братъ, и онъ отъ времени до времени выказывалъ ей ту неуклюжую нѣжность, къ которой она привыкла въ семьѣ. Теперь же она чувствовала себя вполнѣ одинокой. Никто ей не говорилъ: „Ты устала, пойди, прилягъ; ты отощала,—поѣшь чего-нибудь“. Никто, никто! Ей приходилось самой заботиться о себѣ.

— Мнѣ кажется, что я ничья, что у меня и родныхъ-то нѣтъ вовсе. Хоть бы мама, по крайней мѣрѣ, прислала мнѣ Гауденціо...

По крайней мѣрѣ! Вѣдь бóльшаго она и желать не могла.

На этотъ разъ ея желаніе исполнилось. Какъ только дѣвушки, шедшія впереди, завидѣли сарай, онѣ бѣгомъ пустились назадъ, радостно улыбаясь и шопотомъ сообщая великую новость:

— Нанна, тележка тутъ!

— Гдѣ?—спросила Нанна, которая не нуждалась въ этомъ объясненіи, чтобы понять, о комъ идетъ рѣчь.

— Тамъ, на току,—отвѣчали дѣвушки.

Нанна побѣжала впередъ, чтобы поглядѣть, вся красная отъ радости.

— Лошадь отпряжена,—сказала она, вернувшись къ товаркамъ.—Гауденціо, вѣрно, въ кухнѣ.

Ей вдругъ стало легко дышать. Но она не смѣла итти въ кухню, ни даже позвать его. Ей хотѣлось поскорѣе дать ему знать о своемъ возвращеніи, но она не знала, какъ это сдѣлать.

— Запоемте пѣсню, дѣвушки, чтобы въ домѣ услыхали, что мы вернулись,—предложила она.

Собравшись въ кучку за заборомъ, лукаво подмигивая другъ другу, онѣ запѣли во все горло, и всѣ мужчины, бывшіе на мельницѣ, немедленно высыпали на улицу, кто изъ сарая, кто изъ кухни, кто изъ конюшни. Всѣ были въ чистыхъ холщевыхъ рубахахъ и въ праздничныхъ штанахъ. Съ ними вышелъ и Гауденціо, въ шапкѣ набекрень, раскачиваясь и подтягивая дѣвушкамъ.

Онъ подошелъ къ Наннѣ и, ставъ передъ нею, руки въ бокъ, потряхивая головой, принялся подтягивать ей съ хитрыми ужимками.

— Видѣли ли вы моихъ домашнихъ?—перебила Нанна.

— Я ихъ вчера видѣлъ. Матушка ваша посылаетъ вамъ гостинецъ и велѣла узнать, здоровы ли вы?

— Не очень-то, — отвѣчала дѣвушка со вздохомъ.

— Я вѣдь такъ и зналъ,—сказалъ Гауденціо.—Вы не годитесь для настоящей работы.

— Это почему? Я все то же дѣлаю, что и другія,—сказала обиженно Нанна.

Но когда принесли похлебку, и Гауденціо передалъ Наннѣ хрустящій свѣжій хлѣбъ и сочные жареные бобы, присланные ей Маддаленой, то ей уже такъ нездоровилось, что и ѣсть не хотѣлось. Она видѣла, какъ остальные ѣли и смѣялись, и была бы рада дѣлать то же самое, чтобы показать, что и ей работа нипочемъ,—но силъ не хватало притворяться. Она всю недѣлю такъ усиленно работала и такъ мало и плохо ѣла, что чувствовала себя совсѣмъ больной. Она потихоньку встала и, взобравшись на чердакъ сарая, растянулась на соломѣ и принялась плакать, горько плакать, покуда не заснула.

XIII.

Сонъ ея былъ тревожный. Ей снилось, что она живетъ въ горахъ, и что она—одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ ей такъ расхваливалъ Гауденціо за ихъ необычайную силу.

цвѣтущій видъ, веселость нрава и каштановые кудри, падающіе на лобъ. Она сходила, будто бы, съ горы по крутой тропинкѣ, съ большой корзиной, полной камней, на спинѣ и вела навьюченнаго осла, привязаннаго веревкой къ ея рукѣ. Чтобы даромъ не терять времени, она на ходу вязала чулокъ.

Гауденціо такъ часто описывалъ эту тройную работу горныхъ женщинъ, что Нанна постоянно вспоминала о нихъ. Но во снѣ ей казалось, что осла приходится насильно тащить, что онъ упирается и дергаетъ веревку, привязанную къ ея рукѣ, такъ что она все спускаетъ петли со спицъ. А когда она принимается ихъ поднимать, нагибаясь надъ чулкомъ, всѣ камни изъ корзины сыплются ей на голову, и испуганный оселъ бросается бѣжать, таща ее за собой черезъ поля и луга; и въ этой бѣшеной скачкѣ до нея издали доносится насмѣшливый голосъ Гауденціо: „Плохая же вы работница! Да я вѣдь такъ и зналъ“. И Гауденціо такъ громко хохоталъ, что Нанна проснулась.

На дворѣ и вправду раздавались громкіе раскаты хохота. Было ужъ довольно поздно, и начались танцы подъ звуки шарманки.

Нанна улыбнулась при мысли, что будетъ танцовать съ Гауденціо, и встала, чтобы

сойти внизъ съ чердака. Но у нея кружилась голова. Ей казалось, что все вокругъ нея вертится.

Она должна была держаться за перила, чтобы не свалиться. Даже тогда, когда у нея была лихорадка, она не чувствовала себя такъ плохо, какъ теперь. Въ ушахъ звенѣло и въ голову что-то ударяло точно молотомъ. Вѣки судорожно сжимались; она ихъ едва могла поднять. Ей слишкомъ нездоровилось, чтобы танцовать, и, огорченная этимъ, она забилась въ уголокъ двора и стала слѣдить за танцующими парами изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

Гауденціо увидѣлъ Нанну и, подойдя къ ней съ шапкой надъ лѣвымъ ухомъ, подставилъ ей свой локоть и, кивнувъ головой, сказалъ:

— Ну, пойдемте же танцовать.

Упершись руками въ колѣна, она сдѣлала усиліе, чтобы приподняться, но она даже двинуться не могла, — ноги ея точно свинцомъ налились.

— Не могу, — простонала она, — мнѣ такъ нездоровится!

— Господи, что это за дѣвушка! Вѣчно вамъ нездоровится, не можете, — отвѣтилъ Гауденціо.

Цвѣтущее здоровье и привычка думать только о себѣ мѣшали ему понимать чужія страданія. Повернувшись на каблукахъ, онъ направился къ противоположному концу двора, чтобы пригласить на танецъ другую дѣвушку.

Наннѣ стало очень обидно: Гауденціо, очевидно, презираетъ ее и навѣрное гораздо больше цѣнитъ первую попавшуюся работницу, которая могла бы нѣсколько минутъ сряду покружиться съ нимъ подъ музыку. Самолюбіе, любовь, страхъ и ревность придали ей неожиданныя силы. Она сразу вскочила, схватила башмаки и въ два прыжка догнала Гауденціо посреди двора.

— Эй, Гауденціо!—крикнула она ему, смѣясь, потряхивая башмаками надъ головой и раскачиваясь въ тактъ въ видѣ нѣмого приглашенія къ танцамъ.

— Да если вамъ нездоровится...—сказалъ Гауденціо.

— Вотъ еще! Это я пошутила... Я здоровехонька! Не барыня я какая-нибудь, чтобы отъ усталости сейчасъ и захворать.

— Видъ-то у васъ неважный, — замѣтилъ безцеремонный танцоръ, разглядывая ея лицо.

Съ этими любезными словами онъ взялъ ее за правую руку, обхватилъ крѣпко талію,

упираясь ей въ спину тяжелою рукой, и принялся танцовать такъ, какъ принято въ народѣ въ Италіи, плотно прижимая къ себѣ дѣвушку, путая свои ноги съ ея ногами, касаясь ея лица своимъ лицомъ и выгибая ей спину, точно желая ей вывихнуть спинной хребетъ.

А Нанна вяло положила ему на плечо свою лѣвую руку, въ которой у нея болтались башмаки, и въ сердцѣ у нея отдавались и его близость, и прикосновеніе, и его горячее и быстрое дыханіе.

Но между тѣмъ въ головѣ ея сильно стучало и, когда при послѣднихъ тактахъ музыки Гауденціо быстро закружилъ ее въ обратную сторону, она почувствовала, что у нея въ головѣ точно колесо завертѣлось. Она ничего не видѣла вокругъ себя, ей казалось, что она повисла между небомъ и землей, и, судорожно ухватившись за Гауденціо, она черезъ силу проговорила:

— Держите меня, держите меня, я падаю!

Ей казалось, что она падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, и она закрыла себѣ глаза рукой. Это продлилось всего нѣсколько секундъ. У нея просто закружилась голова. Гауденціо поддержалъ ее, и когда она вслѣдъ затѣмъ открыла глаза, она замѣтила, что стоитъ все еще

прислонившись къ нему посреди двора. Она отшатнулась отъ него и, молча, ни на кого не глядя, дотащилась до бревна, на которое и сѣла.

Ей становилось все хуже и хуже... Голова все кружилась; ей казалось, что у нея въ мозгу отъ танцевъ завертѣлась юла, которая уже никакъ не можетъ остановиться.

Нанна не въ силахъ была больше крѣпиться. Она невольно опустилась на скамью, положивъ голову на руку и, продолжая такъ лежать, тихо стонала.

Нѣсколько времени спустя, Гауденціо подошелъ къ ней и смущенно спросилъ:

— Ну, Нанна? Что же это съ вами?

Она чувствовала, какъ слезы подступаютъ у нея къ горлу, но не могла говорить, а только простонала въ отвѣтъ.

— Вамъ очень плохо?—спросилъ еще разъ Гауденціо.

— У меня, должно-быть, опять лихорадка, но не говорите объ этомъ дома.

— Мнѣ не придется никому говорить... Я не скоро туда попаду. Теперь я везу продавать дрова и не знаю, когда еще увижу Мадделену.

— Тѣмъ лучше!—сказала Нанна.—Тѣмъ лучше!

Но она горько плакала и чувствовала себя глубоко несчастной въ своемъ одиночествѣ, вдали отъ семьи.

Женщины переглядывались между собой и таинственно покачивали головой.

— Ужъ не горячка ли это? — шопотомъ спросила одна изъ нихъ у старшей работницы, которая разглядывала Нанну съ видомъ человѣка, понимающаго въ чемъ дѣло.

Та утвердительно кивнула головой, стиснувъ зубы и многозначительно поводя глазами.

— Да, именно горячка, она самая!.. Да, тутъ одно средство—черная курица.

И, пошептавшись еще съ товарками, знахарка подошла къ Паннѣ и сказала ей:

— Нанна, у тебя лихорадка въ голову кинулась, и это можетъ плохо кончиться. Если хочешь выздоровѣть, то не пожалѣй денегъ на черную курицу. Тутъ у хозяйки найдется курица.

Нанна горестно вздохнула.

„Вѣдь вотъ,—подумала она, — сперва здоровье отдавай, чтобы кое-какія деньжонки нажить, а тамъ ужъ и деньги подавай, чтобы здоровье вернуть“.

Но она ничего не сказала. Вытащивъ платокъ, она сунула знахаркѣ въ руку узелокъ, завязанный въ одномъ углу платка.

Развязавъ узелокъ, работница взяла оттуда деньги, вырученныя за піявки, и направилась къ птичнику, сказавъ остальнымъ женщинамъ, чтобы онѣ вынули у Нанны булавки изъ волосъ и распустили бы ей косы.

Вскорѣ лѣкарка и ея спутница вернулись, держа каждая за крыло и за одну ногу несчастную курицу, которая испуганно кудахтала.

Нанна была уже готова, — булавки были вынуты и волосы собраны на затылкѣ.

— Вставай скорѣе,—сказала лѣкарка, схвативъ большой кухонный ножъ.

Послышалось отчаянное кудахтанье, и вскорѣ несчастная птица, распоротая отъ шеи вдоль всего живота, была приложена къ больной головѣ Нанны, которая почувствовала, какъ у нея по лицу, по шеѣ, по платью полился теплый потокъ крови и вонючей жидкости, между тѣмъ какъ голова курицы, все еще трепетавшая въ предсмертныхъ судорогахъ, болталась передъ ея заплывшими глазами.

Послѣ этого работницы, поддерживая больную, отвели ее на чердакъ и уложили на солому, не снимая съ ея головы отвратительной шапки.

XIV.

Въ продолженіи всей ночи у Нанны былъ сильный жаръ. Она бредила. Лицо ея было воспалено, глаза налились кровью. Она возбужденно говорила и судорожно металась. Какъ только наступилъ день, ее пришлось отвезти на фабричной телѣгѣ въ больницу въ Новару, между тѣмъ какъ Гауденціо написалъ ея роднымъ, чтобы предупредить ихъ о случившемся.

Когда Маддалена пришла въ больницу, она испугалась, не найдя дочери въ общей палатѣ.

— У нея тифъ,—сказала ей монахиня, ухаживающая за больными.—Докторъ приказалъ перевести ее въ заразное отдѣленіе.

Ни на этой недѣлѣ, ни на второй, ни на третьей, Нанна не узнавала матери. Только послѣ четвертой недѣли она пришла въ себя и стала понемногу поправляться. Но когда ее привезли въ больницу, голова ея была въ ужасномъ видѣ. Лишь съ большимъ трудомъ и понемногу удалось снять съ ея головы сгнившій трупъ черной курицы. Между тѣмъ отъ гнили и отъ запекшейся крови на волосахъ образовалась кора; когда сидѣлка попробывала было удалить эту кору, больная принималась такъ кричать, что имъ пришлось оста-

вить ее въ покоѣ. А какъ только состояніе больной позволило освободить ее отъ этой мучительной и зловонной шапки, оказалось, что волоса сходятъ вмѣстѣ съ ней. Развилась накожная болѣзнь, и несчастный голый черепъ бѣдной Нанны покрылся гнилыми червями.

Болѣзнь длилась долго, лѣченіе было мучительное, и черезъ шесть мѣсяцевъ, когда все кончилось, прелестная бѣлокурая головка Нанны оказалась голой, какъ ладонь.

На этотъ разъ возвращеніе домой было грустное. Нанна не любовалась уже собой въ окна магазиновъ, а со вздохомъ смотрѣла на свою голову, повязанную платкомъ, и плакала, плакала о своей утраченной красотѣ!

Дома ее ожидали новыя заботы, новыя огорченія. Подрядчикъ, который нанялъ ее на работу, сбѣжалъ, захвативъ съ собой задатки рабочихъ и всѣ деньги, которыя онъ имъ былъ долженъ.

Грустное время переживало семейство Лавателли. Въ теченіе шести мѣсяцевъ у нихъ въ домѣ было одною работницей меньше, нужно было отъ времени до времени навѣщать больную и тратиться на лакомства для нея. Тутъ же имъ не доплатили денегъ, на которыя они разсчитывали. Все это тяжело ложи-

лось на нихъ. Срокъ уплаты за квартиру уже прошелъ. Владѣлецъ мызы нѣсколько разъ напоминалъ о себѣ, а денегъ негдѣ было взять.

Однажды вечеромъ Маддалена сказала мужу:

— Нынче, когда я выжимала виноградъ, приходилъ опять хозяйскій приказчикъ.

— За деньгами? — со вздохомъ спросилъ Мартино.

— За деньгами. Онъ сказалъ, что подождетъ до воскресенья, а тамъ уже приметъ свои мѣры.

— Что же тутъ подѣлаешь!—грустно отвѣтилъ ей мужъ и, окинувъ Нанну долгимъ взглядомъ, полнымъ жалости, прибавилъ. — Есть одно средство...

— Какое?—спросила Маддалена.

— Да вѣдь у насъ еще хранится Наннина перина. Къ чему она теперь?

И онъ кивнулъ головой въ сторону дочери.

Нанну точно въ сердце ударило. Какъ! Ея перина, собранная съ ея гусей, перина на ея брачную постель, теперь ужъ не нужна? Она все еще надѣялась, что у нея отрастутъ волосы. Слова отца показались ей безжалостными и она съ горечью подумала:

„Вотъ, они желаютъ, чтобы я осталась уродомъ, чтобы меня никто замужъ не взялъ,

лишь бы имъ воспользоваться моими перьями".

И ей казалось, что бѣдный старикъ обидѣлъ ее жестоко.

Маддалена также взглянула на дочь, худую, костлявую, съ головой, закутанной въ платокъ, и у нея невольно сжалось сердце при мысли о прежней красавицѣ Наннѣ и о чудныхъ волосахъ, въ которые она въ прошломъ году въ первый разъ вколола серебряныя булавки. Она не выдержала и громко воскликнула:

— Кто бы это могъ подумать!

„И она считаетъ меня загубленной на вѣкъ",—подумала Нанна.

И мать ей также показалась жестокой. Закрывъ лицо руками, Нанна судорожно, сердито зарыдала. Она рвала зубами свой платокъ, топала ногами и твердила про себя:

— Они видятъ, какъ мнѣ тяжело, и шагу не сдѣлаютъ, чтобы помочь моему горю... Они не любятъ, не жалѣютъ меня!

Старики молчали, рѣшивъ, что ей нужно дать выплакаться и успокоиться. О перинѣ больше не заходило и рѣчи. Но на другой день Маддалена снесла цѣлую корзину пуха на рынокъ, и въ воскресенье Мартино отправился въ Новару, чтобы заплатить хозяину.

— Дѣло сдѣлано! — сказалъ онъ женѣ по возвращеніи изъ Новары. — Жалко дѣвушки,

какъ посмотришь, какъ она плачетъ, да и перины жалко... Но отъ нея только моль бы развелась: Нанна теперь все равно замужъ не выйдетъ.

XV.

Нанна была въ отчаяніи. Она думала, что ея родные—безсердечные люди. Ей казалось, что они должны были бы совѣтоваться съ докторами, покупать лѣкарства и все дѣлать, чтобы вернуть ей ея прежнюю красоту.

А ужъ если этому чуду не суждено совершиться, то ей хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, чтобы они всю остальную свою жизнь ежечасно и на всѣ лады повторяли:

„Бѣдная наша Нанна, у нея вылѣзли волосы!.. А вѣдь какіе у нея были волосы!.. Какіе густые!.. Какіе длинные!.. Найдетъ ли она еще себѣ мужа?.. Врядъ ли найдетъ!.. Бѣдная Нанна".

Но этимъ бѣднякамъ, которые день за днемъ подымались съ зарей и трудились до поздняго вечера, чтобы не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ, некогда было плакать надъ волосами и надъ лысою головой Нанны.

— Господу одному извѣстно, какой крестъ намъ по силамъ,—говорила Маддалена, и въ этихъ словахъ выражалось ея безпредѣльное христіанское смиреніе.

Бѣдная мать рѣшила, что по волѣ Божіей теперь пришелъ конецъ ея материнской радости и материнской гордости, и что для ея дочери началась одинокая жизнь, полная огорченій и униженій. Она отъ души жалѣла бѣдняжку, но что же было дѣлать? На лѣкарства въ домѣ не было лишнихъ денегъ; а на утѣшенія не было времени. Маддалена была женщина положительная и разсуждала такъ: „Каждый разъ, какъ начинается разговоръ объ ея несчастіи, бѣдная Нанна приходитъ въ отчаяніе. Такъ лучше ужъ и не заводить объ этомъ рѣчи: можетъ-быть, она привыкнетъ“.

Отецъ Нанны, Мартино, какъ всегда, находилъ, что жена его права. И съ тѣхъ поръ больше не было рѣчи о болѣзни Нанны и объ ея послѣдствіяхъ, точно ничего и не случилось. Нанну же возмущало это молчаніе, и она его толковала по своему.

„Нечего сказать, очень они меня любятъ,—думала она.—Имъ и дѣла нѣтъ до моего горя, они и не думаютъ о немъ... Имъ все равно— выйду ли я замужъ, или не выйду. А развѣ я въ чемъ-нибудь провинилась, развѣ я за-

служила, чтобы они со мной такъ обращались?“

Эти мысли ее еще больше раздражали, и она становилась все мрачнѣе и мрачнѣе; она неохотно отвѣчала на вопросы и на все обижалась.

— Нанна, не стой на солнцѣ,—сказалъ ей какъ-то отецъ:—ты можешь захворать.

— Что мнѣ сдѣлается?—сердито огрызнулась дѣвушка.—Волосъ у меня уже нѣтъ—терять нечего.

Бѣдняга переглянулся съ женой и со вздохомъ проговорилъ:

— Не знаешь, какъ и подойти къ ней.

— Лучше вовсе не заговаривать съ нею,—посовѣтовала ему жена, которая только и думала о томъ, какъ бы чѣмъ-нибудь не разстроить дочь. Съ этихъ поръ родители перестали дѣлать Наннѣ какія бы то ни было замѣчанія и уже не рѣшались высказывать ей участіе. Но этимъ Нанна также была недовольна.

„Такъ и есть,—думала она,—теперь я уродомъ стала, такъ они обо мнѣ и заботиться перестали! Небось, когда я еще красива была, такъ только и слышно было, что Нанна то, Нанна—другое; Наннѣ нечего гусей пасти, Наннѣ „серебро“ нужно купить. Нанна, не

утомляйся... Нанна, не хворай! А теперь они и думать перестали обо мнѣ: иди себѣ, куда хочешь“.

Разсужденія людей иногда похожи на пуговицы: если одну какую-нибудь пропустить и не застегнуть, такъ все платье перекривится.

Въ концѣ концовъ Нанна въ каждомъ словѣ стала доискиваться насмѣшки или упрека. Молчаніе же казалось ей пренебреженіемъ или презрѣніемъ. Она замкнулась сама въ себѣ, считая себя несчастной, обиженной, и сама надъ собой умилялась. А такъ какъ никто не могъ оспаривать этихъ затаенныхъ мыслей, то она все болѣе и болѣе раздражалась и довела себя до того, что озлобленіе противъ всѣхъ окружающихъ сдѣлалось ея обычнымъ состояніемъ. Всѣхъ тѣхъ, кто не страдалъ, она винила за то, что они не брали на себя ея страданій. Всѣ огорченія, которыя выпадали на долю другихъ, казались ей справедливою отплатой за ея собственное несчастіе.

Сердце Нанны ожесточалось, и жизнь становилась невыносимой.

XVI.

Длинные ноябрьскіе вечера Нанна проводила въ полномъ одиночествѣ, сидя за прялкой въ холодной кухнѣ. Ей не хотѣлось показываться въ сараѣ. Но въ декабрѣ пошелъ снѣгъ, морозъ усилился, вечера стали такіе длинные, что Маддаленѣ стало жалко, что дочка моротитъ себя въ кухнѣ, и она стала уговаривать ее итти въ сарай на посидѣлки.

— Ты бы лучше приходила въ сарай,— рѣшилась она сказать ей.—Что же дѣлать? Когда-нибудь да придется показаться.

Къ тому же Нанна вовсе не такъ ужъ тщательно пряталась отъ людей. Она ходила въ церковь и на работу въ поле, гдѣ всѣ могли ее видѣть. Но дѣло въ томъ, что въ сарай, не сегодня, такъ завтра, могъ завернуть Гауденціо. И она съ ужасомъ думала о томъ, что ей придется показаться ему.

— А вамъ какое дѣло, приду ли я въ сарай, или не приду?--отвѣчала она.

— Да вѣдь здѣсь ты замерзнешь. А намъ не по карману топить изъ-за тебя каждый день печку.

— А я васъ просила, что ли, топить печь?— огрызнулась Нанна.

— Нѣтъ. Но зачѣмъ тебѣ здѣсь скучать въ одиночествѣ, когда тамъ, въ сараѣ, и весело и тепло!

Видя, что Нанна продолжаетъ упрямиться, бѣдная женщина изъ участія къ ней придумывала предлоги, чтобы заставить ее итти въ сарай, не замѣчая того, что предлоги были такіе, которые только сильнѣе могли раздражить бѣдную ожесточенную дѣвушку.

— Здѣсь у тебя пальцы закоченѣютъ, и ты не будешь въ состояніи прясть. Къ тому же весь вечеръ изъ-за тебя одной лампа горитъ.

Нанна вскочила на ноги, точно ее пружиной подбросило, и, оттолкнувъ отъ себя стулъ, выбѣжала изъ комнаты, крикнувъ матери:

— Не безпокойтесь, пожалуйста! Повѣрьте, что работа будетъ сдѣлана и никому не придется за меня прясть. А масла вашего я и капли больше не сожгу. Если надо мною въ сараѣ насмѣхаться станутъ, то мнѣ все равно. По крайней мѣрѣ, вамъ не придется ужъ меня упрекать за масло, которое я жгу!

Маддалена съ глубокимъ вздохомъ подняла глаза къ небу и направилась за нею въ сарай. Но вечеромъ, ложась спать, она передала этотъ разговоръ мужу, прибавивъ:

— Отъ горя иные дѣлаются святыми, а другіе—злыми.

— Ну, ужъ Нанну горе не сдѣлало святой!— отвѣтилъ на это Мартино, обиженный за жену.

Впрочемъ, Нанна напрасно волновалась. Сарай, гдѣ собиралось нѣсколько стариковъ и старушекъ и некрасивая дѣвушка, не привлекалъ Гауденціо. Въ теченіе всей зимы онъ только разъ и заглянулъ въ него. Но этотъ единственный вечеръ былъ такъ переполненъ горечью для Нанны, что отравилъ ей всѣ остальные сто-двадцать вечеровъ этой зимы.

Гауденціо со своею обычною грубостью, оглядѣвъ Нанну съ головы до ногъ, кинулъ ей смѣясь такія слова:

— Нанна, а гдѣ же серебряный уборъ?

Нанна только пожала плечами и продолжала работать.

— Если вы захотите надѣть его подъ вѣнцомъ,—не унимался Гауденціо,—то вамъ придется воткнуть себѣ булавки прямо въ кожу.

Господи! Эти слова Гауденціо вонзились въ ея сердце.

Ей представились ея товарки, молодыя и счастливыя, съ блестящими головными уборами, беззаботно веселящіяся съ молодыми

парнями, и въ душѣ у нея поднялась противъ нихъ страшная злоба, точно онѣ и въ самомъ дѣлѣ были виноваты въ ея несчастіи.

Съ этого вечера Нанна окончательно ожесточилась. Она говорила мало, но слова ея были пропитаны злобой и горечью. Она стала всѣхъ избѣгать. Работала она молча и безучастно, но работала неустанно, такъ какъ была дѣятельная, работящая дѣвушка. Она уже не ходила полоть рисъ; ей было не посиламъ стоять по цѣлымъ часамъ въ водѣ. Но къ концу слѣдующаго года она отправилась на уборку риса и, наученная горькимъ опытомъ, сумѣла уберечься отъ чрезмѣрнаго утомленія. Къ тому же, танцы на току теперь уже не забавляли ея. Послѣ работы она ужинала и отправлялась спать на сѣновалъ прежде, чѣмъ вечерняя сырость успѣвала проникнуть въ воздухъ.

Такъ прошло семь лѣтъ. Волоса ея не отросли,— докторъ не ошибся въ своихъ предсказаніяхъ. Женихи тоже не показывались. Вся прежняя красота Нанны исчезла съ тѣмъ лучомъ счастья и доброты, который когда-то освѣщалъ ея лицо.

Иногда въ долгіе часы одиночества она вспоминала свою единственную любовь и тѣ рѣд-

кія минуты счастія, которыя промелькнули въ ея прошломъ,—и тогда взглядъ ея становился снова ласковымъ, и улыбка снова озаряла ея лицо, какъ въ былые дни. Но затѣмъ являлось горькое сознаніе, что эти радости исчезли навѣки, что ея жизнь испорчена, что всѣ дни будутъ похожи одинъ на другой, что ей не видѣть уже ни любви, ни сватовства, ни собственнаго дома, ни собственныхъ дѣтей.

И сердце ея болѣзненно сжималось при этой мысли, и грусть опять озаряла ея лицо своею задумчивою красотой.

Но вотъ на дорогѣ показывалась толпа дѣвушекъ, которыя весело перекидывались шутками съ парнями, идущими за ними.

Или же Наннѣ кто-нибудь сообщалъ деревенскія новости:

„Ты слышала, что Пепинетта, которая стерегла твоихъ гусей семь лѣтъ тому назадъ, выходитъ замужъ?“ Или: „у дочери сторожа, которая вышла за ткача Антоніо, родилась дочка“.

Тогда злая зависть охватывала душу Нанны. Сравнивая свою тусклую жизнь съ ихъ судьбой, свое горе съ ихъ радостями, она спрашивала себя: „За что?“ И она сжимала кулаки и ненавидѣла всѣхъ счастливыхъ за ту долю счастья, которую они, будто бы, украли у нея.

XVII.

Нанна скоро оттолкнула отъ себя всякое участіе. Даже родные, которые не могли уже больше любоваться ея красотой и радоваться ея добротѣ, а только могли прощать ей ея недостатки, любили ее теперь только по старой памяти.

Къ двадцати-четыремъ годамъ она окрѣпла, пополнѣла и къ ней отчасти вернулась ея прежняя свѣжесть. Къ тому же, она наловчилась довольно красиво повязывать себѣ голову платочкомъ, чтобы прятать свой жалкій голый черепъ.

Въ это лѣто во время мотыженія, затѣмъ и при посѣвѣ риса она замѣтила, что уже не отталкиваетъ никого своей наружностью. Мало того, нашелся рабочій,—правда, не первой молодости,—которому она, очевидно, даже приглянулась.

Дѣло не зашло далеко. Когда они работали рядомъ во время посѣва риса, онъ ее неожиданно спросилъ:

— Небось, тебѣ жалко, что на моемъ мѣстѣ не стоитъ другой?

— Мнѣ что за дѣло, ты ли, другой ли здѣсь!—отвѣчала Нанна.

— Ужъ будто бы? У дѣвушекъ всегда на умѣ какой-нибудь молодецъ; ему бы и работать рядомъ съ тобой!

— Ну, а я не такая, какъ всѣ дѣвушки; у меня никого нѣтъ на умѣ.

— Да развѣ у тебя нѣтъ жениха?

— А ты ослѣпъ, что ли? Развѣ не видишь, какая у меня голова?—огрызнулась Нанна, раздраженная тѣмъ, что онъ ее заставилъ заговорить о своей головѣ.

Работникъ, очевидно, не понялъ, что на головѣ, покрытой платочкомъ, не было волосъ. Онъ видѣлъ только, что она была довольно гладкая, и возразилъ:

— Да и впрямь! У тебя нѣтъ серебрянаго убора. А вѣдь, кажется, ты уже не ребенокъ: ты дѣвушка въ годахъ.

— Годовъ моихъ никто не считалъ,—отвѣчала Нанна, отворачиваясь отъ него и продолжая работу.

Но разговоръ на этомъ не окончился. Немного позже работникъ снова началъ:

— Не сердись... Какъ тебя звать?

— Нанной.

— Не сердись, Нанна. Я не хотѣлъ тебя обидѣть. Точно я не вижу, что ты еще не

старуха. Ну который же тебѣ годъ—двадцать-восьмой, что ли?

— Двадцать-восьмой?.. Ужъ ты бы прямо говорилъ, что я старая дѣвка!! Мнѣ и двадцати-четырехъ лѣтъ нѣту.

— Ну, двадцать-четвертый, двадцать-восьмой, не все ли равно? Все же таки про тебя можно сказать, что ты въ полной красѣ. Мало ли такихъ, которыя до тридцати лѣтъ не выходятъ замужъ, а потомъ все-таки находятъ себѣ мужей. И ты, навѣрное, найдешь себѣ мужа.

— Да я его вовсе и не ищу.

— Да и искать не нужно. Самъ найдется

— Да... жди, чтобы онъ нашелся! — отвѣчала Нанна, высунувъ ему языкъ и скорчивъ гримасу. Во время этой перестрѣлки она оживилась, какъ уже давно не оживлялась.

— Давай объ закладъ биться, что женихъ явится раньше уборки хлѣба? — предложилъ рабоотникъ.

— Пожалуй... А какой же будетъ выигрышъ?

— Фунтъ конфетъ. Согласна?

— Ну, что же! Увидимъ, кто правъ окажется.

— Но ты должна мнѣ сказать, гдѣ ты живешь, чтобы я могъ притти узнать, кто выигралъ конфеты.

Нанна назвала деревню, гдѣ жили ея родители, и объяснила, по какой дорогѣ къ нимъ итти... Она поняла, что ея собесѣдникъ самъ и былъ обѣщенный женихъ.

Онъ былъ еще довольно хорошъ собою. Да и ей уже не приходилось быть разборчивой. Дай Богъ хоть какъ-нибудь выйти замужъ! Конечно, она предпочла бы Гауденціо, который былъ всего на три года старше ея... Да то былъ Гауденціо!.. На такую партію она уже не могла разсчитывать.

Этотъ разговоръ ее нѣсколько успокоилъ и утѣшилъ. Она вернулась домой менѣе раздражительная. По временамъ она даже бывала весела. Она убѣдилась, что для нея еще не исчезла надежда на счастье, на любовь. Она стала еще тщательнѣе повязывать свой платочекъ, выходя изъ церкви, останавливалась, оглядывалась и заговаривала съ другими дѣвушками. Старики радовались этой перемѣнѣ и говорили:

— Да, трудненько ей было, но видно, теперь она покорилась.

А Нанна между тѣмъ была дальше, чѣмъ когда-либо, отъ покорности судьбѣ. Въ глазахъ ея свѣтился загадочный огонекъ, который какъ будто говорилъ: „Поживемъ — увидимъ“.

XVIII.

Но, къ несчастію, видѣть было нечего. Прошло все лѣто, сняли жатву, а о женихѣ не было и помину. Нанна стала задумываться и грустить, но все еще не приходила въ отчаяніе.

Если бы даже этотъ человѣкъ и не сдержалъ своего слова, то все же въ рисовомъ полѣ она ему нравилась: онъ обратилъ на нее вниманіе, предпочелъ ее другимъ. Эта мысль возвышала Нанну въ собственныхъ глазахъ.

„Если я могла понравиться одному,—думала она,—почему мнѣ не понравиться другому?"

И вѣра въ возможность понравиться комунибудь, получить въ будущемъ свою долю счастья, поддерживала ее. Она не такъ завидовала подругамъ, не такъ часто раздражалась. Если измѣна одного жениха немного огорчала ее, тѣмъ нетерпѣливѣе ждала она другого. Но время шло, и она чувствовала, что молодость проходитъ.

Было 11-е ноября, день святого Мартина. Изъ сѣраго, покрытаго тучами неба шелъ мелкій осенній дождикъ. Мужчинъ (Піетро

тоже сдѣлался мужчиной и выбралъ себѣ ремесло возчика), — мужчинъ не было дома. Мартино нанялся разливать вина въ бутылки, а Піетро уѣхалъ съ грузомъ. Хозяйка готовила похлебку. Нанна же, стоя на крыльцѣ, перебирала въ корзинкахъ зелень, которую на другой день должна была нести на рынокъ.

Старики-жильцы, снимавшіе сосѣднюю кухню, выдали замужъ свою дочь и теперь съѣзжали. Пока мужъ нагружалъ возъ мебели, жена вышла на крыльцо попрощаться съ сосѣдями.

— А матери развѣ нѣтъ дома? — спросила она у Нанны.

— Дома. Она готовитъ кушанье. Ма-ма!

Маддалена показалась на порогѣ.

— Вы съѣзжаете, Менчина?

— Да, пора. Сейчасъ пріѣдетъ новый жилецъ.

Нѣсколько минутъ всѣ три помолчали. Потомъ Менчина заговорила опять:

— Такъ прощайте, Маддалена... Кланяйтесь отъ меня вашимъ мужчинамъ.

— Буду кланяться.

— И съ вами, Нанна, прощаюсь. Простите меня обѣ, если я была въ чемъ-нибудь виновата передъ вами!

— Богъ съ вами! Мы всегда были добрыми сосѣдями. Скорѣе вы должны простить Нану,—она иногда бываетъ немножко рѣзка.

— Правда,—сказала Нанна.—Простите меня, Менчина, если я когда-нибудь васъ обидѣла!

— Ахъ, что вы! Мы всѣ люди и всѣ бываемъ подчасъ сердиты. Простимъ же другъ друга и разстанемся по-христіански и пососѣдски.

Онѣ еще разъ обмѣнялись поклонами. Старуха сѣла рядомъ съ мужемъ на телѣгу, и оба повторили:

— Прощайте, Маддалена! Прощайте, Нанна!

— Прощайте! Увидимся ли еще?

— Кто знаетъ! Мы уѣзжаемъ далеко. Если не здѣсь, такъ на томъ свѣтѣ увидимся!

Старикъ тронулъ вожжи, и они медленно поѣхали.

— Жаль! — сказала Маддалена, возвращаясь къ кастрюлѣ, въ которой варилась капуста. — Жаль! Добрые были сосѣди. Теперь Богъ знаетъ, кто тутъ поселится!

— Говорятъ, мужъ и жена,—отвѣчала Нанна, но ихъ никто еще не видалъ. Старикъ, который нанималъ квартиру,—отецъ жены.

— Они, должно быть, жили еще съ стариками и ждали, пока квартира освободится, чтобы поселиться своимъ домомъ.

На это предположеніе Маддалены Нанна не отвѣчала ничего, и каждая изъ нихъ продолжала свое занятіе.

Черезъ полчаса издали послышался стукъ колесъ, Нанна подняла голову и слушала. Воспоминаніе о Гауденціо всегда жило въ ея сердцѣ. Но возгласы, которые она услышала, были не его.

— Должно быть, ѣдутъ новые сосѣди,—сказала Нанна.

Она поставила локти на колѣни, оперлась подбородкомъ на сжатые кулаки и, устремивъ взоръ на дорогу, стала ждать. Мало-по-малу стукъ колесъ усилился, зазвучали бубенчики. Возгласы возницы послышались яснѣе и, вдругъ подъѣхавъ къ дому, кучеръ замолчалъ: онъ узналъ Нанну, и Нанна узнала его.

Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который замѣтилъ ее во время посѣва на рисовомъ полѣ, ея полуназванный женихъ. Но онъ пріѣхалъ поздно и не одинъ. На телѣгѣ, удобно пристроившись на мягкомъ матрацѣ, сидѣла его молодая жена, блѣдная, больная, беременная.

Нанна съ любопытствомъ смотрѣла на нее. Она нисколько не была влюблена въ этого человѣка; она надѣялась выйти за него замужъ, какъ вышла бы за всякаго другого,

потому что замужество вообще было ей желательно, и никакая тѣнь увлеченія не примѣшивалась къ ея расчетамъ. Однако, при видѣ этой некрасивой и больной жены, она все-таки почувствовала удовольствіе. Это было что-то въ родѣ благодарности къ соперницѣ за то, что она не оскорбила ее своимъ превосходствомъ.

— Здравствуйте, голубушка,—сказалъ пріѣзжій, раскланиваясь съ Нанной.—Я не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить.

— У васъ хорошая память, — отвѣчала Нанна съ нѣкоторой горечью.

— Нѣтъ, я помнилъ, что вы мнѣ говорили, но я думалъ, что вы уже съѣхали отсюда,— квартиру, въ которую мы въѣзжаемъ, надо бы собственно вамъ занять!

Между тѣмъ жена стала выходить изъ телѣги, и Нанна помогла мужу ее высадить. Бѣдная молодая женщина приняла участіе въ разговорѣ съ грустною улыбкой, которой улыбаются больные, и ея слова были словами любви и примиренія.

— Хорошо, что вы тутъ остались,—сказала она.—Пачифико, кажется, васъ уже знаетъ, мы будемъ добрыми сосѣдями.

Такъ вправду и оказалось. Пачифико ни единымъ словомъ больше не намекалъ на свою

встрѣчу съ Нанной въ рисовомъ полѣ, и она догадалась, что ошиблась тогда, придавъ его словамъ невѣрный смыслъ.

Надежда во второй разъ угасла въ ея сердцѣ, а вмѣстѣ съ ней исчезъ и тотъ проблескъ счастія, который закрался въ него за послѣдне время. Тѣмъ не менѣе она была очень любезна съ своею новою сосѣдкой. Черезъ мѣсяцъ у нея родилась дочка, такая же слабенькая, какъ она сама. У бѣдной молодой женщины было очень плохое здоровье, и кормленіе разстроило его еще больше.

— Я надорвалась въ рисовомъ полѣ,—говорила она.

Мужъ былъ къ ней очень хорошъ и старался лѣчить ее всячески, но она слабѣла все больше и больше. Ея легкія были затронуты тою страшною болѣзнью, которая не щадитъ своихъ жертвъ, и меньше чѣмъ черезъ годъ она умерла, оставивъ Пачифико вдовцомъ съ одиннадцатимѣсячною дочкой на рукахъ.

Пачифико не собирался, какъ видно, жениться во второй разъ. Онъ просилъ Маддалену найти ему дѣвочку, которая няньчила бы дочку во время его отсутствія, и присматривать за обѣими.

— Вотъ бы тебѣ заняться этой малюткой!—говорила Маддалена дочери.

Но Нанна послѣ своего новаго разочарованія сдѣлалась мрачна и рѣзка попрежнему. Съ Пачифико въ особенности она была чрезвычайно груба. Она отвѣчала матери, что не любитъ дѣтей и скучаетъ съ ними. Она указала ей на маленькую десятилѣтнюю дѣвочку, которую Маддалена и помѣстила, съ согласія ея родителей, въ услуженіе ко вдовцу, чтобы она няньчилась съ его ребенкомъ.

XIX.

Такъ прошло два года.

Какъ-то разъ вечеромъ Маддалена разлила всѣмъ похлебку. Нанна сѣла на ступенькахъ крыльца и молча принялась за свою долю. Это была ея привычка, точно такъ же, какъ братъ Піетро имѣлъ обыкновеніе ужинать на дворѣ, подъ навѣсомъ, разговаривая съ Пачифико и играя съ малюткой, которая уже начинала болтать. Но на этотъ разъ Піетро былъ пасмуренъ и сѣлъ ужинать за столъ съ отцомъ и матерью.

— Ты кончилъ возить навозъ? — спросилъ у него Мартино.

— Нѣтъ еще,—мрачно отвѣчалъ Піетро.

— Сколько возовъ тебѣ осталось?

— Три.

— Надо кончать на этой недѣлѣ и сейчасъ же приниматься возить дрова въ лѣсу у Менико. Онъ говорилъ мнѣ, что ему очень нужны деньги; и если ты не можешь ѣхать во вторникъ на базаръ въ Новару, онъ найметъ другого возчика.

Піетро не отвѣчалъ.

— И этотъ другой будетъ Гауденціо, понимаешь? Вотъ человѣкъ, который умѣетъ найти себѣ работу. Чуть только гдѣ - нибудь есть кладь, онъ ужъ тутъ какъ тутъ, и кончается тѣмъ, что его нанимаютъ.

— Потому что у Гауденціо только и на умѣ, что его ремесло.

— А у тебя что жъ? Ты, кажется, слава, Богу, сытъ.

— Не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ думаетъ. Или вы забыли, что мнѣ ужъ двадцать пять лѣтъ?

— А, понимаю. Ты вѣрно хочешь жениться?

— Кажется, ужъ можно. Моего заработка хватитъ на двоихъ.

— И у тебя есть кто-нибудь на примѣтѣ?

— Пачифико познакомилъ меня съ одною дѣвушкой. Она его землячка: красивая молодка и съ приданымъ.

Нанна все слышала. Сердце у нея застучало, а руки задрожали такъ, что она чуть-чуть не выронила ложку.

Старикъ взглянулъ на Маддалену, которая показала ему на дочь.

— А какъ же быть съ ней?—спросилъ онъ.

— Мнѣ-то что за дѣло? Выдайте ее замужъ, если хотите. Не могу же я оставаться холостякомъ изъ - за того, что у нея нѣтъ жениховъ.

— Выдайте замужъ—легко сказать!—Но за кого?

— Поговорите съ Пачифико. Онъ любитъ сватать и уже много свадебъ устоилъ.

Нанна сердито бросила ложку на ступеньки и встала, дрожа отъ гнѣва.

— Я не нуждаюсь, чтобы мнѣ кто - нибудь искалъ мужа,—вскричала она.—Если я такъ некрасива, что меня никто не беретъ, — что же дѣлать? Но по сватовству я не выйду замужъ.

Она вышла на дворъ и залилась слезами.

Ей показалось ужасно обидно различіе, какое дѣлали между ней и этою молоденькою, хорошенькою дѣвушкой. Піетро спѣшилъ жениться, чтобы ее не перебилъ у него кто-нибудь другой, тогда какъ Нанна никому не была мила, и даже сватать ее собирались

только для того, чтобы отъ нея отдѣлаться. Сердце ея было полно горечи. Вдругъ ее осѣнила новая недобрая мысль, отъ которой вся кровь бросилась ей въ голову.

Она быстро вернулась къ крыльцу и закричала дрожащимъ голосомъ:

— Если бы вы не продали моей перины, я бы давно нашла себѣ жениха!

— Ну, такъ найди его, и я справлю тебѣ перину,—сказалъ Піетро.

Онъ скопилъ для свадьбы немного денегъ и охотно готовъ былъ пожертвовать ими, чтобы устранить это препятствіе.

Нанна потихоньку ушла и долго думала, гуляя въ темнотѣ. Потомъ она легла спать и всю ночь продумала въ своей постели. Мысль о красивой молодой невѣсткѣ преслѣдовала ее и не давала ей спать. Эту женщину всѣ будутъ поздравлять, она будетъ привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, тогда какъ Нанна останется попрежнему некрасивой, пожилой, никуда негодной, какъ старая тряпка. Она должна будетъ присутствовать при ласкахъ брата къ женѣ, а ее, старую дѣвку, никто никогда не приласкаетъ. Она увидитъ материнскія радости невѣстки, а у нея никогда не будетъ своихъ дѣтей...

И ходить за этими чужими дѣтьми, сдѣлаться нянькой племянниковъ, — вотъ какая ужасная будущность ей предстоитъ! Она уже ненавидѣла эту невѣстку, которую еще не знала; ненавидѣла ея несуществующихъ дѣтей. А главное,—она ненавидѣла то воображаемое счастье, которымъ ужъ надѣлила эту восемнадцатилѣтнюю дѣвочку. Что сдѣлала эта дѣвчонка, чтобы заслужить такое счастье? Нанна работала и страдала всю свою молодость, и была лишена его навсегда.

Потомъ она начала думать о предложеніи Піетро справить ей новую постель, если она выйдетъ замужъ, и поговорить съ Пачифико, чтобы онъ пріискалъ ей жениха. Значитъ, онъ считалъ возможнымъ найти его. А она ужъ перестала объ этомъ думать! Да развѣ навсегда? Почему замужество по сватовству хуже другого? Она не требовательна. Отъ Гауденціо она уже мысленно отказалась. Только бы найти хорошаго молодого человѣка, которому бы она понравилась, за котораго могла бы выйти замужъ, чтобы не старѣться возлѣ невѣстки; больше ей ничего не нужно.

И она мало-по-малу размечталась о будущемъ. Она представляла себѣ, что ей, напримѣръ, предлагаютъ жениха — человѣка лѣтъ тридцати.

— Если хотите, — отвѣчаетъ, будто бы, она,—я буду хорошею подругой.

И онъ согласится. Ея сердце, жаждавшее любви, уже принадлежало этому выдуманному человѣку. Потомъ они отправятся въ Новару покупать серьги, ожерелье и обручальныя кольца. Потомъ будетъ свадьба... И когда пріѣдетъ невѣстка, она найдетъ ее уже замужнею, и онѣ не будутъ жить вмѣстѣ... Она уѣдетъ, можетъ-быть, даже далеко.

И она видѣла свой новый домъ: кухню съ печкой, столомъ, кастрюлями, ведрами, и комнату съ громадною двухспальною постелью, въ ногахъ которой стоитъ сундукъ съ приданымъ. Она—хозяйка въ своемъ домѣ, и порядокъ дня такъ легко себѣ представить. Обязанности хозяйки, которыми такъ гордятся всѣ женщины... Поѣздки на рынокъ, гдѣ она будетъ продавать въ свою пользу... Болтовня съ сосѣдками... Поденныя работы и, наконецъ, вечеромъ возвращеніе мужа... Тогда она подастъ на столъ похлебку, запретъ двери, и они останутся вдвоемъ, и никто не помѣшаетъ ихъ ласкамъ.

Ея мысль съ наслажденіемъ останавливалась на этихъ подробностяхъ. Сердце ея стучало отъ нихъ, и она волновалась чуть не до слезъ. Послѣ цѣлой ночи такихъ мечтаній,

она такъ въ нихъ повѣрила, что больше не могла съ ними разстаться. Она даже удивлялась, какъ это она до сихъ поръ еще не замужемъ. И теперь она уже благословляла мысль о сватовствѣ, которой такъ возмущалась наканунѣ.

XX.

Послѣ обѣда Нанна стояла у крана и полоскала овощи, которые Маддалена должна была на другой день нести на рынокъ. Въ это время Пачифико вышелъ изъ кухни и подошелъ къ крану тоже съ корзинкой; онъ собирался мыть капусту и мелко нарѣзанную тыкву для своей похлебки.

— Здравствуйте, Нанна,—сказалъ онъ, подставляя подъ кранъ свою корзину.

— Здравствуйте. Что, Пачифико, хозяйничаете?—пошутила Нанна.

— Да, что дѣлать! Была у меня хорошая хозяйка, да она теперь у Господа Бога.

— Вы знаете, что мой братъ хочетъ жениться?—спросила Нанна.

— Какъ же! На Розеттѣ изъ Черано. Я самъ ихъ познакомилъ. Красивая дѣвушка!

— Красивыя только замужъ и выходятъ.

— Э, полно! Выходятъ и дурныя.

— Да вотъ я же не вышла, потому что нехороша собой.

— Хотите, я найду вамъ жениха, Нанна?

Она поняла, что отецъ съ нимъ говорилъ, и, ничего не отвѣчая, нагнулась къ струѣ воды, чтобы скрыть радость, которая невольно заставляла ее улыбаться.

— Скажите, вы пошли бы за жениха, котораго я вамъ найду?—продолжалъ спрашивать Пачифико.

Нанна нагнулась еще ниже и закусила себѣ губы, дрожа отъ счастья. Она воскресала къ жизни, какъ больной послѣ долгой безнадежной болѣзни, отъ которой думалъ умереть. Въ ея сердцѣ опять зажигалась любовь: она, потерявшая всякую надежду, видѣла себя замужней женщиной, женой.

Видя, что Нанна смѣется, Пачифико взялъ изъ своей корзины кусочекъ тыквы и потихоньку ударилъ ее имъ по затылку.

— Ну, что же? Пойдете?

— Сперва найдите жениха, а тамъ посмотримъ,—отвѣчала Нанна, жеманясь, и съ лукавою улыбкою убѣжала въ домъ.

„У него уже есть кто-нибудь на примѣтѣ,—подумала она.—Вотъ я и замужъ выйду. Это совсѣмъ не такъ трудно, какъ кажется“.

Однако, прошла цѣлая недѣля, а никто не говорилъ ей о женихѣ. Неужели она еще разъ ошиблась?

Между тѣмъ Піетро все пропадалъ изъ дому, а если приходилъ домой, то былъ не въ духѣ.

— Пора это кончить,—говорили старики,— Малый не въ своемъ умѣ.

И передъ Нанной опять возставалъ призракъ невѣстки, и она трепетала.

Наконецъ, въ воскресенье, выходя изъ церкви послѣ вечерни, Пачифико подошелъ къ Мартино съ таинственнымъ видомъ.

Нанна, которая шла позади, поспѣшила обогнать мужчинъ въ надеждѣ поймать нѣсколько словъ изъ разговора.

— Мнѣ надо переговорить съ вами,—говорилъ Пачифико.—Пойдемте распить бутылку вина.

Нанна услыхала и прошла мимо, не глядя на нихъ и исподтишка улыбаясь.

— Здравствуйте, Нанна!—крикнулъ ей Пачифико.

Она обернулась, засмѣялась и пошла скорѣе: теперь она была увѣрена, что женихъ нашелся. Наконецъ-то на нее перестанутъ смотрѣть, какъ на отверженную, и она будетъ не хуже другихъ.

Въ этотъ вечеръ, когда всѣ собрались къ ужину, она взяла свою тарелку съ рисомъ и сѣла на дворѣ въ надеждѣ, что отецъ подойдетъ и назоветъ ей жениха, предложеннаго Пачифико. Но Мартино, напротивъ, далъ ей спокойно доужинать и потомъ позвалъ ее въ домъ. Очевидно, онъ хотѣлъ держать рѣчь торжественно, въ присутствіи всей своей семьи.

— Ну, Нанна,—сказалъ онъ,—хочешь замужъ или нѣтъ?

Нанна пробормотала что-то, пожавъ плечами, и сконфуженно повернулась спиной къ отцу. Но глаза у ней такъ и заблестѣли. Ей уже мерещился молодцоватый юноша съ гвоздикой въ петличкѣ и съ шляпой набекрень.

— Женихъ есть,—прибавилъ отецъ.

Нанна вообразила себя рядомъ съ молодцоватымъ женихомъ въ свадебномъ нарядѣ изъ шерсти съ шелкомъ. Эта картина заставила ее улыбнуться.

Мартино замолчалъ, пуская изъ своей трубки густыя кольца дыма. Нетерпѣніе разбирало Нанну. Она исподлобья посмотрѣла на отца.

— Такъ, такъ,—произнесъ старикъ.

— Ну, кончайте же,—сказала Нанна.

— Что мнѣ кончать? Ты сама видѣла, кто говорилъ со мной послѣ вечерни.

— Пачифико?

— Ну, да. Онъ говоритъ, что ему трудно работать съ ребенкомъ на рукахъ. Онъ не ищетъ ни красоты ни молодости. Ему нужно разумную дѣвушку, которая была бы хорошей матерью его сироткѣ.

Сердце у Нанны захолонуло. Молодцоватый юноша, гвоздичка, шелковое платье—все это закружилось передъ ней и исчезло, какъ дымъ. Она опять увидала свое настоящее лицо, свою голую голову безъ серебра, увидала себя, некрасивую и пожилую, рядомъ со старымъ мужемъ, который хочетъ жениться на ней не изъ-за нея, а изъ-за дочери, чтобы дать ей мачеху. И подумать, что рядомъ съ этою будничною обстановкой на томъ же дворѣ будетъ жить молодая, красивая невѣстка, торжествующая, радостная, счастливая!

Ей стало очень стыдно. Она разсердилась на Пачифико, на своего отца, на всѣхъ. Сватъ предлагаетъ ей въ мужья самого себя, значитъ, онъ не думалъ, чтобы на ней захотѣлъ жениться кто-нибудь другой.

И въ довершеніе всего онъ еще прибавляетъ, что женится на ней потому, что она немолода и некрасива!

У Нанны была замкнутая душа. Радость, горе, гнѣвъ,—она все умѣла затаить въ себѣ.

И потому, несмотря на то, что все въ ней такъ и кипѣло, она только спустила на лицо платокъ съ головы и молчала, глотая слезы.

Мартино пожалъ плечами.

— Не знаешь, какъ съ ней обходиться, — пробормоталъ онъ, выходя на дворъ.

Къ Наннѣ подошла мать и взяла ее за руку.

— Ну, отвѣчай же: пойдешь за него или нѣтъ?

Нанна вырвала у матери руки и закричала:

— Я скорѣе умру, чѣмъ пойду за старика, да еще съ ребенкомъ!

— Слышите! — сорвалось, наконецъ, у Піетро.—Пачифико вовсе не старикъ. Ему тридцать семь лѣтъ, а тебѣ двадцать семь. Господа всегда такъ женятся, что мужъ старше жены и даже часто на десять лѣтъ. Притомъ Пачифико такой хорошій человѣкъ. Чего тебѣ еще желать? Онъ для тебя самый подходящій.

— Вотъ какъ! Не для васъ ли онъ подходящій? Онъ вдовецъ, у него есть постель, — вамъ на нее не тратиться! Ну, а для меня это не годится.

— Это дѣло твое. Только помни, что ты остаешься въ дѣвкахъ по собственному ка-

призу. Тебѣ представляется случай выйти замужъ. Не хочешь—тебѣ же хуже.

— Это вѣрно, — сказалъ, входя опять въ домъ, Мартино:—Піетро правъ. Никто не гонитъ тебя изъ дому, но нельзя же, чтобы изъ-за тебя твой братъ оставался холостякомъ. Если Пачифико тебѣ не нравится, не выходи за него. Но и не жалуйся, коли не поладишь съ невѣсткой. Сама захотѣла оставаться въ домѣ.

— Я въ домѣ не останусь. Я пойду въ люди въ Новару.

— Ну, ужъ этого не будетъ! — закричалъ Мартино. — Изъ моего дома никто еще не ходилъ по чужимъ людямъ! Во-первыхъ, ты все-таки еще можешь найти себѣ мужа и въ такомъ случаѣ тебѣ справятъ постель. Что справедливо, то справедливо. А если нѣтъ,— будешь работать дома или ходить на поденщину. Но жить въ людяхъ, да еще въ городѣ, гдѣ всякіе лакеи, солдаты, лавочники пристаютъ къ дѣвушкамъ,—нѣтъ, сударыня! Этого не будетъ!

Нанна была не такого рода дѣвушка, чтобы поставить на своемъ. Нѣсколько дней она дулась и ходила еще мрачнѣе обыкновеннаго, но все-таки осталась дома. Піетро былъ по-

молвленъ. Мартино отправился съ Пачифико въ Черано просить руки Розетты. Потомъ женихъ, невѣста и ихъ отцы сходили въ Новару покупать приданое. Маддалена велѣла выбѣлить комнату рядомъ со своей, надъ кухней и комнатой Нанны, вымыла полъ и приготовила все къ принятію постели и сундука молодой.

XXI.

Нанна объявила своимъ, что пойдетъ на жатву въ рисовое поле, чтобы не быть на свадьбѣ. Мать, понимая униженіе, которое пришлось бы пережить дочери, приняла ея сторону и, послѣ долгихъ переговоровъ, въ семьѣ рѣшили, вопреки всякимъ обычаямъ, справить свадьбу въ рабочую пору, чтобы поберечь и безъ того несчастную дѣвушку.

Нанна ушла тѣмъ охотнѣе, что Пачифико, во время приготовленій къ свадьбѣ, которую онъ самъ устраивалъ, постоянно вертѣлся у нихъ,—а она послѣ его предложенія просто возненавидѣла его: она не могла простить, что онъ назвалъ ее немолодой и некрасивой, и больше никогда съ нимъ не разговаривала.

Къ концу жатвы Гауденціо долженъ былъ проѣзжать мимо поля, на которомъ работала Нанна; онъ вызвался доставить ей кое-какую провизію и свадебныя конфеты, которыя ей посылала Маддалена.

— Ну, и жену же выбралъ себѣ вашъ братецъ!—сказалъ Гауденціо, передавая ей коробку.—Свѣжая, какъ цвѣтокъ, крѣпка, какъ дерево, весела, какъ жаворонокъ!

Сердце Нанны было полно злобы къ невѣсткѣ. Она съ особеннымъ наслажденіемъ старалась припоминать женщинъ, у которыхъ вылѣзали волосы послѣ первыхъ родовъ или у которыхъ во время беременности появлялись желтыя пятна на лицѣ и выпадали зубы. Ей доставляло удовольствіе воображать, какъ черезъ годъ у этой красотки родится ребенокъ—и красоты, какъ не бывало.

Потомъ Гауденціо разсказалъ все, какъ справляли свадьбу. За недѣлю до свадьбы невѣста со своею матерью обошла всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ съ тарелочкой конфетъ. Такъ дѣлали всѣ невѣсты. Господа брали у нихъ по конфеткѣ и клали въ обмѣнъ на тарелку мелкія деньги, самое большое—лиру. Но Розетта была такъ миловидна, что всѣ были къ ней особенно щедры, и она собрала много

денегъ. Въ день свадьбы она нарядилась въ хорошее платье, и двѣ телѣги съ гостями провожали ее въ домъ жениха.

— Но лучше всего, — продолжалъ Гауденціо,—было, какъ она вошла въ домъ. Ваша мать, которая придерживается старины, положила на порогъ, поперекъ двери, метлу...

— Для этого вовсе не надо придерживаться старины,—перебила Нанна. Она уже чувствовала заранѣе, что въ этомъ укорѣ свекрови кроется похвала невѣсткѣ.—Всѣ матери кладутъ метлу на порогѣ. И если молодая хорошая хозяйка, она подниметъ ее, чтобы очистить себѣ дорогу, а если лѣнивая...

— Ахъ, какіе пустяки! Я не признаю этихъ примѣтъ,—перебилъ Гауденціо.—Такой хорошенькой веселой дѣвушкѣ и очищать себѣ дорогу! Да она въ одинъ прыжокъ перескочитъ черезъ дюжину метелъ!

— Она перескочила черезъ метлу!—воскликнула Нанна съ такимъ негодованіемъ, какъ будто бы хотѣла сказать: „Она подожгла домъ!"

— Да, перескочила. Такъ что жъ такое! Она не знала, что для того, чтобы зарекомендовать себя хозяйкой, ей надо поднять метлу.

— Не знала! Если этотъ обычай заведенъ въ Трекате, такъ въ Черано его нельзя не знать. Не Богъ вѣсть, какъ далеко. Просто она не будетъ хорошей хозяйкой. Ха-ха! Не поднять метлы!

Нанна ликовала, что бѣдная дѣвушка провинилась, и ея злобное сердце на нѣсколько мгновеній было вполнѣ удовлетворено.

Немного погодя, она проходила мимо гумна. Кучка дѣвушекъ собралась тамъ вокругъ Гауденціо, онѣ слушали все новыя чудеса о молодой подругѣ.

— Эхъ! — съ презрѣніемъ крикнула имъ Нанна.—Хороша жена, даже метлы поднять не сумѣла!

Но Гауденціо, который за словомъ въ карманъ не лазилъ, отвѣчалъ ей за всѣхъ:

— Полно, Нанна! Это вы говорите изъ зависти, потому что годы проходятъ, а вы все еще въ дѣвушкахъ,—да молодая-то и покрасивѣе васъ!

Этотъ Гауденціо былъ просто ужасенъ. Вѣдь и онъ тоже былъ не молодъ: ему было 30 лѣтъ. Но съ своею шляпой набекрень и съ своимъ развязнымъ видомъ онъ продолжалъ быть мѣстнымъ щеголемъ. Его телѣга каталась по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и нигдѣ никто не на-

ходилъ его слишкомъ старымъ для той жизни, которую онъ велъ. Всѣ дѣвушки были къ нему очень ласковы. Эту выходку его противъ Нанны онѣ встрѣтили дерзкимъ взрывомъ смѣха.

Подобные разговоры не очень-то налаживали дружбу между двумя невѣстками, и Нанна вернулась домой еще болѣе сердитая на молодую.

XXII.

Розетта была въ самомъ дѣлѣ красивая женщина. Это была въ полномъ смыслѣ деревенская красавица, полная, бѣлая, румяная, какъ яблоко, и очень здоровая. Ни одинъ докторъ еще ни разу не лѣчилъ ея; молодость и здоровье били въ ней ключомъ. Она тотчасъ же завоевала себѣ сердца своихъ стариковъ. Перескочивъ черезъ метлу, она сразу очутилась въ объятіяхъ Маддалены, которая ждала этой минуты, чтобы составить себѣ мнѣніе о невѣсткѣ. Но горячіе поцѣлуи молодой чуть не свалили ее съ ногъ и глубоко тронули старуху: давно уже къ ней не ласкалась ея собственная дочь!

Веселый голосъ Розетты звенѣлъ съ утра до вечера по всему дому, и Мартино говорилъ:

— Съ этою молодой у насъ круглый годъ масленица.

Піетро, наоборотъ, былъ молчаливъ и грустенъ. У него была очень нѣжная душа, и онъ никогда не останавливался ни передъ какою жертвой для любимаго человѣка; но онъ былъ застѣнчивъ до дикости и боялся показывать предъ всѣми свою любовь. Въ первые дни послѣ свадьбы онъ постоянно стыдился своихъ чувствъ и, чтобы скрыть нѣжность, которая наполняла его сердце, онъ старался быть съ молодою женой какъ можно рѣзче и грубѣе.

Какъ только Піетро вечеромъ возвращался домой, Розетта бросалась навстрѣчу къ мужу и всячески старалась выказать свою радость.

— Здравствуй, милый! Проголодался! Поцѣлуй свою женку!

Піетро готовъ былъ расцѣловать ее отъ всей души. Но онъ только краснѣлъ, оглядывался на отца и мать и, отстраняя жену, отвѣчалъ холодно:

— Успокойся, пожалуйста! Я очень усталъ.

У Розетты была не настолько чуткая душа, чтобы огорчаться такими отвѣтами. Она понимала, что мужъ застѣнчивъ, и отвѣчала ему смѣхомъ.

Когда Нанна вернулась съ рисоваго поля, молодая была на огородѣ.

— Розетта!—крикнула Маддалена.—Нанна вернулась.

Розетта поспѣшно выбросила изъ фартука охапку зелени, которую только-что нарвала, повязала фартукъ какъ попало и бросилась домой. Въ одну минуту она была уже на порогѣ.

— Гдѣ моя золовка?—кричала она и, увидавъ Нанну, одѣтую по-дорожному, съ деревянными башмаками въ одной рукѣ и съ узломъ въ другой, бросилась къ ней на шею и поцѣловала ее въ щеку.

Нанна стояла молча и не отвѣчала на ея привѣтствіе; но, освободившись отъ объятій невѣстки, она пробормотала:

— Какія нѣжности!

И пошла домой.

А молодая съ своей стороны подумала:

„Она, какъ Піетро. Они всѣ такіе скрытные, не умѣютъ выказывать своихъ чувствъ".

Съ этого времени Гауденціо часто сталъ проѣзжать черезъ деревню, гдѣ жили Лавателли.

— Какъ поживаете, Гауденціо?—спросила разъ у него съ горечью Нанна.—Прежде вы совсѣмъ забывали дорогу въ нашъ домъ, но теперь, кажется, опять припомнили.

— Я всегда бываю тамъ, гдѣ хорошенькія женщины,—отвѣчалъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ у васъ красивая невѣстка, и я — тутъ какъ тутъ.

Это была дерзкая шутка, и невѣстка была тутъ ни въ чемъ неповинна; но Нанна дала себѣ слово отомстить ей за все.

Между тѣмъ наступила осень съ длинными вечерами и посидѣлками въ сараѣ. Добродушная Розетта завела много знакомыхъ и привлекла въ этотъ, прежде столь мрачный, сарай цѣлую толпу сосѣдокъ, которыя всѣ были въ восторгѣ отъ ея любезности и веселости. Среди нихъ было нѣсколько дѣвушекъ, и Нанна пряла вмѣстѣ съ ними. Но она совсѣмъ не подходила къ ихъ веселому кружку. Ея закутанная въ платокъ голова, ея угрюмое молчаніе, нетерпимость и строгія сужденія о всемъ, старили ее еще больше, чѣмъ ея годы. Розетта, наоборотъ, какъ замужняя женщина,

должна была бесѣдовать съ хозяйками и заниматься важнымъ дѣломъ: штопать платье своего мужа. Она и дѣлала это отъ всего сердца; иголка и спицы такъ и сверкали въ ея могучихъ рукахъ, и крѣпкіе бѣлые зубы откусывали нитку.

Но разговоры хозяекъ не были любопытны молоденькой женщинѣ. Онѣ толковали о разныхъ случаяхъ беременности и кормленія, о чудесахъ мѣстнаго святого, о болѣзняхъ и больницѣ, а Розетта была еще такъ молода, что все это было ей скучно.

Другое дѣло—веселое калякаиье дѣвушекъ! Она все время прислушивалась къ нему однимъ ухомъ, и оно было ей гораздо больше по сердцу. Время отъ времени и она вставляла свою шутку, и дѣвушки принимали ее со смѣхомъ, а сама Розетта смѣялась громче всѣхъ. Эти взрывы молодого веселья, какъ мячикъ, перелетали изъ стороны въ сторону надъ хмурою, закутанною головой Нанны. Но Нанна не смягчалась ничѣмъ этимъ. Нанна чувствовала, что невѣстка счастлива, несмотря на нее, и ея сердце ныло отъ злости.

XXIII.

У Піетро было много работы, и по вечерамъ его почти никогда не было дома. Гауденціо, наоборотъ, сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ сарая. Его появленіе было всегда праздникомъ для молодежи и мученіемъ для Нанны. Для нея у него всегда на языкѣ была какая-нибудь горькая истина, тогда какъ, наоборотъ, съ ея невѣсткой онъ былъ всегда любезенъ.

О, если бы Нанна могла удалить его навсегда! Если бы она могла вызвать ссору, которая повлекла бы за собой его изгнаніе! Другіе, казалось ей, не замѣчали бы, что она немолода и некрасива; но этотъ надменный Гауденціо на каждомъ шагу подчеркивалъ это.

Чтобы похвалить, напримѣръ, волосы Розетты, онъ говорилъ, глядя на Нанну:

— Розетта, вы взяли себѣ долю волосъ вашей золовки.

Если молодая хвалилась, что ни разу въ жизни не лежала въ постели и никогда не принимала лѣкарствъ, Гауденціо отвѣчалъ съ насмѣшкой:

— Точь въ точь, какъ Нанна.

Просто мученіе!

Стоило заговорить о какой-нибудь свадьбѣ, чтобы дѣвушка была какъ на иголкахъ.

— Гауденціо, знаете, кто выходитъ замужъ?

— Кто? Неужели Нанна?

Раздавался хохотъ, и въ награду его называли шутникомъ. А Пачифико, единственный человѣкъ, который просилъ ея руки,—да еще какъ,—былъ тутъ же и слушалъ всѣ эти разговоры; и его мнѣніе, что Нанна немолода и некрасива, постоянно подтверждалось ими.

Нанна съ каждымъ днемъ дѣлалась подозрительнѣе и злѣе. Она ненавидѣла невѣстку, ненавидѣла Гауденціо, ненавидѣла всѣхъ, кто только былъ молодъ, красивъ и счастливъ.

Въ одинъ осенній вечеръ Піетро вернулся рано, поставилъ лошадь въ конюшню и вошелъ въ сарай, къ своей семьѣ.

Розетта уже перестала бросаться къ нему навстрѣчу съ объятіями, чтобы не приводить въ смущеніе застѣнчиваго мужа. На этотъ разъ возлѣ нея сидѣлъ Гауденціо, нашептывая ей что-то, и она не поднялась съ мѣста, только крикнула:

— Здравствуй, Піетро!

Нанна замѣтила и это.

— Мама, — сказалъ Піетро Маддаленѣ.— Я былъ въ Черано. Мать Розетты говоритъ, что у сестры Розетты, Лючіи, послѣ жатвы риса сдѣлалась перемежающаяся лихорадка, и докторъ совѣтуетъ ей перемѣнить воздухъ. Не позволите ли вы ей переѣхать къ намъ, къ сестрѣ?

Нанна опять вздрогнула.

Въ каждой новой хорошенькой и молоденькой дѣвушкѣ она видѣла врага.

— Что касается до меня,—отвѣтила Маддалена,—я очень буду ей рада. Но гдѣ же мы положимъ ее спать?

— Когда меня нѣтъ дома, она можетъ спать съ моею женой. А когда я дома, пусть спитъ съ Нанной.

Слова Піетро пришлись очень не по сердцу Наннѣ, но она не смѣла имъ противиться и не сказала ни слова.

Такъ ужъ заведено въ Италіи по деревнямъ, что женщины не смѣютъ возвышать голоса. Только замужнія еще иногда вставятъ свое слово въ разговоръ, дѣвушекъ же не спрашиваютъ ни о чемъ. Со стороны Нанны было бы необыкновеннымъ чудачествомъ, если бы она не захотѣла спать съ дѣвочкой, которую

совсѣмъ не знала. Точно такъ же не было даже рѣчи о томъ, захочетъ ли молодая гостья помѣщаться съ Нанной.

На другой день Піетро повезъ въ Черано шерсть и, возвратившись, привезъ съ собой свояченицу.

Это была семнадцатилѣтняя дѣвушка, высокая и тонкая, черноволосая, голубоглазая, бѣленькая, поблѣднѣвшая отъ лихорадки, съ крошечнымъ ротикомъ и дѣтскимъ голоскомъ. Она смотрѣла барышней, одѣтой въ крестьянское платье. Ей только-что купили серебро, и она жаловалась, что у нея отъ него болитъ голова. Она училась въ приходской школѣ; умѣла читать, писать и вязать крючкомъ.

Гауденціо, какъ и слѣдовало ожидать, захотѣлось поважничать передъ гостьей, и онъ заговорилъ съ ней покровительственно-ласковымъ тономъ, какимъ разговариваютъ съ дѣтьми. Впрочемъ, Лючія не понравилась ему. Невинная прелесть этой выздоравливающей дѣвочки не могла нравиться этому деревенскому щеголю. Но изъ любезности къ замужней сестрѣ онъ былъ съ ней необыкновенно внимателенъ.

Бѣдняжкѣ немного было нужно, чтобы замѣтить, что Гауденціо—кумиръ всѣхъ мѣст-

ныхъ дѣвушекъ. И его любезное обращеніе вскружило ей голову.

Нанна замѣтила, что бѣдная дѣвушка совсѣмъ потеряла голову и только и думала, что о Гауденціо. Она отлично знала, что Гауденціо нѣтъ до нея рѣшительно никакого дѣла и съ злорадствомъ потѣшалась въ душѣ надъ бѣдною заблуждавшейся дѣвушкой.

XXIV.

Въ первый же вечеръ послѣ пріѣзда маленькой Лючіи Піетро привелъ въ сарай шарманщика. Всѣ молодыя дѣвушки и женщины вскочили на ноги и радостно привѣтствовали это новое удовольствіе.

Встала и Нанна невольно, по старой памяти. Но когда пары составились, она осталась одна и только мѣшала танцующимъ. Тогда она опять сѣла возлѣ матери.

Гауденціо, видя, что Піетро собирается открыть балъ съ женой, поспѣшилъ пригласить Лючію. Отводя свою даму на мѣсто, онъ увидѣлъ Нанну, еще болѣе подурнѣвшую отъ обиды и досады.

— Что, Нанна? — спросилъ онъ. — Или не нашли съ кѣмъ танцовать?

— Я не хочу танцовать, — сказала она, стараясь скрыть, что ее не пригласили.

Но Гауденціо нисколько не постѣснился выставить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ.

— Что тамъ говорить! — возразилъ онъ грубо. — Съ вами могутъ танцовать развѣ только изъ жалости.

Лючія, которая была доброю дѣвушкой, почувствовала всю жестокость этихъ словъ и постаралась смягчить ее, какъ могла.

— Хотите танцовать со мною, Нанна? — спросила она робко.

Въ это время Піетро кончилъ танцовать съ Розеттой и привелъ ее назадъ къ Мадда-ленѣ. Гауденціо прервалъ разговоръ съ двумя дѣвушками, подбѣжалъ къ молодой, схватилъ ее и началъ танцовать съ ней.

Нанна отказалась отъ милаго приглашенія Лючіи и слѣдила за новою парой испытую-щимъ взглядомъ. О, она хорошо знала эти прыжки, это покачиваніе, это наступаніе на ноги, и горячія прикосновенія щеки къ щекѣ вперемежку съ отрывочными словами, и теплое дыханіе, которымъ онъ обдавалъ шею своей дамы... И все это было обращено на ея молодую невѣстку! О, какъ она зави-довала и ревновала ее къ Гауденціо! Но въ

то же время слѣдить за танцующей парой доставляло ей не только мученіе. Къ зависти, къ ревности присоединялось чувство какой-то злобной радости; она видѣла, что Гауденціо все больше и больше завлекаетъ Розетту, что Розетта точно пьянѣетъ отъ его близости,—и она съ злобнымъ торжествомъ думала уже о паденіи невѣстки, о томъ, какъ она откроетъ глаза мужу и унизитъ, втопчетъ въ грязь эту ненавистную женщину!

И вправду, веселая, болтливая Розетта, у которой, что называется, душа была нараспашку, чувствовала себя неловко съ мужемъ, постоянно уходившимъ, какъ улитка, въ свою раковину. Онъ ее смущалъ. Она не смѣла къ нему приласкаться, такъ какъ знала заранѣе, что на ея ласку не будетъ отвѣта, не смѣла сказать какую-нибудь глупость—онъ не разсмѣялся бы на нее. Съ другими же, напротивъ, стоило ей открыть ротъ, чтобы кругомъ заговорили:

— Экая женщина! Настоящій чертенокъ! Послушайте, что она выдумала!

А Гауденціо превозносилъ ее больше всѣхъ и былъ съ нею всѣхъ любезнѣе. Со своею наглостью онъ не задумывался хвалить ей въ глаза ея красоту.

— Прелестная женщина! Вѣдь вы не боитесь простуды? Такъ развяжите же платокъ, вамъ такъ жарко послѣ танцевъ! Я не смотрю.

И онъ закрывалъ глаза руками, съ широко растопыренными пальцами, чтобы показать ей свое нескромное желаніе—увидать ея голую шею.

— Впрочемъ, — прибавлялъ онъ, — вѣдь я знаю, что вы вся, какъ налитая. Вамъ ваты не нужно!

И онъ смѣялся, довольный своею шуткой, какъ будто сказать женщинѣ, что она полна и не подкладываетъ ваты подъ платье,—лучшая похвала.

Розетта не отличалась тонкимъ вкусомъ. Она была просто весела и во всемъ видѣла хорошую сторону. Гауденціо ей нравился, ей было весело съ нимъ, и она была довольна.

„Вотъ, — думала Нанна. — Всего нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ, а уже любезничаетъ съ другими.“

Она судила слишкомъ поспѣшно. Наннѣ надо было оправдать въ собственныхъ глазахъ и свою ненависть и свое желаніе пристыдить невѣстку, чтобы удалить этого Гауденціо, который ее постоянно унижалъ.

Она подсѣла къ Піетро.

— Что, протанцовалъ съ женой!—спросила она.—Теперь ужъ она приглашена на цѣлый вечеръ. Посмотри на Гауденціо,— хотѣлось ей добавить, только не хватило смѣлости.

Но Піетро понялъ недоговоренное. Это былъ застѣнчивый, робкій человѣкъ. Онъ обожалъ свою хорошенькую жену. Онъ уже испытывалъ что-то въ родѣ ревности къ каждому, кто обладалъ способностью высказывать свои чувства, потому что это свойство дѣлало другихъ по сравненію съ нимъ гораздо привлекательнѣе и давало имъ большое превосходство. Слово, брошенное Нанной, заставило его перенести на Гауденціо эту безсознательную ревность.

Это подозрѣніе причинило ему сильное страданіе, но онъ его не выказалъ, какъ не высказывалъ и своей любви. Онъ такъ же, какъ и Нанна, таилъ въ себѣ всѣ свои чувства, но по природѣ былъ ласковъ и чувствовалъ потребность исключительной любви.

Нанна мстила за то, что не могла внушить такую любовь. Добрый Піетро только страдалъ отъ этого. Онъ не испытывалъ, какъ она, непреодолимаго желанія заставить и другихъ страдать вмѣстѣ съ собою, ненавидѣть

ихъ, если они не страдали. Онъ только искренно сокрушался, зачѣмъ онъ не таковъ, какъ другіе, и въ простотѣ сердца ставилъ другихъ гораздо выше себя; причину же своего несчастія искалъ въ себѣ самомъ.

— Я не умѣю заставить эту женщину полюбить меня,—говорилъ онъ.

И онъ все думалъ, какъ бы заслужить расположеніе жены.

XXV.

Въ первое воскресенье декабря мѣсяца, за позднею обѣдней, молодая жена колбасника изъ Трекате появилась въ церкви съ великолѣпною серебряною филиграновою булавкой въ вуалѣ. Булавка изображала вѣтку жасмина, которая была прикрѣплена къ тонкой витой проволокѣ, такъ что дрожала при каждомъ движеніи головы. Между женщинами это произвело громадное волненіе и вызвало страшную зависть. Всѣ пожелали имѣть такую же булавку.

Вечеромъ въ сараѣ только и было разговору, что объ этомъ. Піетро не было дома. Онъ долженъ былъ выѣхать послѣ обѣда въ

воскресенье, чтобы въ понедѣльникъ утромъ везти большую кладь строительныхъ матеріаловъ для церкви въ Гамато.

Но неизмѣнный Гауденціо былъ тутъ, какъ тутъ. Онъ тоже замѣтилъ булавку на колбасницѣ и тоже говорилъ о ней.

— Какой милый мужъ, должно быть, этотъ колбасникъ!—воскликнула Розетта.—Если бы Піетро подарилъ мнѣ такую булавку, я бы его просто зацѣловала!

— Піетро не въ состояніи тратить такихъ денегъ,—замѣтила Маддалена.

— А сколько можетъ стоить такая шпилька?—спросилъ Гауденціо.

— Пятнадцать или двадцать лиръ.

— Э, человѣкъ, который вправду любитъ женщину, не остановится не только передъ двадцатью, но и передъ пятидесятью лирами, чтобы сдѣлать ей удовольствіе.

Гауденціо при этомъ поглядѣлъ пристально въ глаза Розетты, какъ бы говоря: „Для васъ я былъ бы готовъ истратить пятьдесятъ лиръ“.

Онъ не сказалъ этого, но Нанна отлично поняла, что онъ хотѣлъ сказать именно это, а простодушная Лючія приняла его слова на свой счетъ.

Бѣдной дѣвочкѣ и въ голову не могло притти, что слова эти могли относиться къ Розеттѣ, къ замужней женщинѣ. Любовный взглядъ, обращенный на ея сестру, долженъ былъ относиться къ ней. Она нравилась Гауденціо, и если онъ ухаживалъ за Розеттой, то для того, чтобы жениться на ней.

Такъ смотрѣло на вещи это чистое семнадцатилѣтнее существо. Для Лючіи это было такъ же ясно, какъ если бы она сама слышала, какъ Гауденціо сказалъ Розеттѣ: „Я бы и пятидесяти лиръ не пожалѣлъ для вашей сестрицы“.

Выходя изъ сарая, она не могла сдержаться, чтобы не поговорить съ кѣмъ-нибудь объ этомъ по-душѣ.

— Что, у Гауденціо есть невѣста?— спросила она у Нанны.

— Какъ не быть у такого красавца!—насмѣшливо отвѣчала та.

— Кто же?—продолжала дѣвушка умоляющимъ голосомъ.

— О, я ничего не говорю. Придетъ время, расцвѣтутъ розы,—и въ отвѣтъ на собственныя злыя мысли Нанна добавила.—Только у розъ бываютъ и шипы.

Но дѣвушка не обратила вниманія на эти слова и, подстрекаемая любопытствомъ влюбленной, продолжала разспросы:

— Она изъ нашего сарая? Скажи мнѣ хоть это.

— Изъ нашего. Она та, кому онъ подаритъ булавку. Тогда будетъ, на что посмотрѣть.

Лючія пошла спать къ сестрѣ, полная самыхъ розовыхъ мечтаній, — всѣ недомолвки Нанны она приняла на свой счетъ. Она не понимала насмѣшекъ, и была увѣрена, что Гауденціо любитъ ее и что она получитъ булавку.

Прошли первые дни недѣли. Піетро возвратился въ понедѣльникъ вечеромъ и уѣхалъ въ четвергъ на разсвѣтѣ. Онъ слышалъ всѣ разговоры женщинъ о булавкѣ колбасницы, понялъ, что его женѣ она страшно нравится, и ему хотѣлось сказать: „Я тебѣ ее куплю".

Но мать, отецъ, сестра смущали его. Онъ уже заранѣе слышалъ, какъ они станутъ говорить ему вслѣдъ: „Вотъ, влюбленъ въ свою жену, какъ оселъ. Все готовъ сдѣлать, чтобы угодить ей, чуть не горстями бросаетъ деньги въ окно".

И онъ краснѣлъ при одной мысли, что они будутъ такъ говорить про него.

Онъ готовъ былъ подарить Розеттѣ булавку, но или потихоньку, или какъ-нибудь такъ, чтобы его щедрость нашла себѣ оправданіе.

Въ четвергъ вечеромъ было двѣнадцатое декабря. Піетро еще не вернулся. Въ его отсутствіе разговоры въ сараѣ были гораздо оживленнѣе, потому что Розетта безъ смущенія отдавалась своему желанію болтать и смѣяться, а Гауденціо ухаживалъ за ней, не опасаясь никакой бѣды.

— Новара сегодня вечеромъ нарядилась по-праздничному,—сказалъ Гауденціо.

— Да, — отвѣчала Лючія, которая разъ гостила съ Розеттой въ Новарѣ у зажиточной тетки. — Сегодня канунъ святой Лючіи. Тамъ вездѣ вѣшаютъ зажженные фонарики и продаютъ всякія конфеты и сахарныя изображенія святой Лючіи. Въ магазинахъ выставлена пропасть красивыхъ вещицъ. Помните, Розетта?

— Какъ же не помнить! Въ этотъ годъ у тети мы тоже выставляли въ окно свои корзинки, и святая Лючія положила намъ коечто.

— А почему бы вамъ и сегодня не выставить корзинокъ?—спросилъ вдругъ Гауденціо, пристально глядя въ глаза Розеттѣ.—Мо-

жетъ-быть, святая Лючія принесетъ что-нибудь и сюда.

— Э,—отвѣчала молодая.—Что она принесетъ? Піетро нѣтъ дома.

— А что же за дѣло святой Лючіи до Піетро.

— Развѣ вы этого не знаете?—спросила Лючія.—Даже дѣти въ Новарѣ и тѣ знаютъ, что въ корзину кладутъ имъ родные, а святая Лючія тутъ ни при чемъ.

— Ахъ, вы слишкомъ дурно о ней судите,—смѣясь отвѣчалъ Гауденціо.—Вотъ Нанна выставитъ корзинку, она еще вѣритъ въ святую Лючію. Правда, Нанна?

— Я, должно быть, такъ глупа, что во все вѣрю,—отвѣчала Нанна, обидѣвшись.

— Вы-то глупы! Да вы еще насъ всѣхъ поучите!—сказалъ Гауденціо, которому хотѣлось ее задобрить, чтобы она согласилась выставить корзинку.

Нанна улыбнулась на похвалу, высказанную ей въ такомъ большомъ обществѣ.

Похвалы такъ рѣдко выпадали на ея долю, что она радовалась всякимъ, даже неискреннимъ.

— Такъ выставите корзинку?—настаивалъ Гауденціо.

— Да вѣдь вы не для меня стараетесь!

— Я стараюсь для всѣхъ трехъ. Что сдѣлаетъ одна невѣстка, то сдѣлаютъ и другія.

— Э, меня всѣ ненавидятъ.

— Это значитъ, что васъ всѣ любятъ. Кто ненавидитъ, тотъ и любитъ.

— А корзинка будетъ все-таки пуста?

— Нѣтъ, не будетъ. Святая Лючія сказала мнѣ, что пройдетъ подъ вашимъ окномъ. Ну, не отказывайтесь же!

Даже въ давно прошедшія времена Гауденціо не разговаривалъ съ Нанной такъ любезно. Онъ никогда такъ не просилъ ее, никогда не смотрѣлъ на нее такими умоляющими глазами. Въ первый разъ съ очень давнихъ поръ онъ шутилъ съ ней.

Въ сараѣ всѣ молчали, переводя глаза съ нея на Гауденціо. Гауденціо умолялъ ее сказать *да* или *нѣтъ*, осчастливить или огорчить его. Это была для Нанны минута неожиданнаго торжества. Неожиданное счастіе сбило ее съ толку, ударило ей въ голову, и цѣлый рой обманчивыхъ надеждъ закружился у нея въ головѣ.

„Кто знаетъ?“ вертѣлось у нея на умѣ.

Оглядываясь вокругъ, чтобы насладиться своимъ торжествомъ, она встрѣтила напра-

вленные на Гауденціо и на нее глаза Лючіи, затуманенные слезами.

„Бѣдная дѣвочка ревнуетъ“, подумала она, и мысль, что въ первый разъ въ жизни она возбудила ревность, окончательно вскружила ей голову.

— Хорошо, — сказала она. — Я выставлю корзинку.

Она забыла все предыдущее, всѣ свои подозрѣнія противъ невѣстки, и безъ всякихъ разсужденій, потерявъ голову отъ неожиданной ласки любимаго человѣка, вообразила, что завтра въ ея корзинѣ будетъ лежать подарокъ Гауденціо.

Возчикъ рано ушелъ изъ сарая, ему надо было заняться кой-какими важными приготовленіями, а Нанна постаралась спровадить поскорѣе сосѣдокъ, потому что нетерпѣніе ее разбирало. Вернувшись домой, она сказала молодымъ женщинамъ:

— Положите каждая на свою корзинку свой шейный платокъ, чтобы святая Лючія, проходя, могла ихъ различить.

Но у Лючіи было такъ тяжело на сердцѣ, что она раздумала участвовать.

— Я не здѣшняя,—отговаривалась она.

Нанна и Розетта поставили свои корзинки подъ единственнымъ окномъ кухни, которое выходило на огородъ. Потомъ сестры простились со стариками и ушли въ свою комнату, а Нанна прошла къ себѣ.

Тамъ, погасивъ свѣчку, она поскорѣе вышла на цыпочкахъ въ кладовую, окно которой приходилось рядомъ съ кухоннымъ, и притаилась за полуопущенной занавѣской. Она стала ждать.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ она увидала тѣнь, которая осторожно пробиралась между грядокъ, и узнала въ ней Гауденціо. Онъ шелъ прямо къ окну съ корзинками. Нанна, не сходя съ своего наблюдательнаго поста, взялась рукою за дверь, которая вела изъ кладовой въ огородъ, и продолжала ждать.

Еще минута—и шаги Гауденціо стали удаляться. Она потихоньку отворила дверь и подошла къ высокому кухонному окну. Ея рука потянулась къ платку, которымъ была прикрыта ея корзинка; она ощупала въ ней продолговатый жесткій предметъ, вынула его и начала разсматривать при блѣдномъ вечернемъ свѣтѣ. Какая-то нитка... Веретено!

Это была ужасная насмѣшка! „Прясть пряжу" на мѣстномъ нарѣчіи означало: оставаться-

ся въ дѣвушкахъ. Нанна вспыхнула отъ негодованія, какъ огонь. Если бы этотъ человѣкъ былъ тутъ, около, она бы, кажется, его убила.

Дрожа, она открыла корзинку невѣстки и нашла въ ней филиграновый цвѣтокъ!

А Гауденціо между тѣмъ удалялся, потихоньку шагая черезъ грядки.

Нанна, не разсуждая дольше, схватила цвѣтокъ и веретено, завернула ихъ въ платокъ Розетты и съ силой швырнула въ дерзкаго насмѣшника. Потомъ она вернулась въ кладовую и опять взглянула въ окно.

Гауденціо стоялъ и разсматривалъ что-то, вѣроятно, платокъ Розетты. Нанна испытала минуту горькаго наслажденія: она нарочно бросила ему подарки въ платкѣ невѣстки, чтобы заставить его подумать, что Розетта возвратила ихъ ему, и поселить между ними неудовольствіе.

XXVI.

Это послѣднее оскорбленіе окончательно обозлило Нанну. Съ вечера святой Лючіи ея вражда къ Гауденціо и къ невѣсткѣ сдѣла-

лась непреодолимой. Это были уже не ревность и зависть, а ненависть и жажда мщенія.

Вмѣсто того, чтобы препятствовать попрежнему ихъ взаимной любви, она начала желать какого-нибудь событія, которое бы позволило уличить ихъ передъ мужемъ и пристыдить.

— Пусть отдастъ ей платокъ, я тогда все разскажу,—думала она.

Она представляла себѣ, какъ невѣстка вернется домой съ платкомъ на шеѣ и какъ она ее спроситъ:

— Какъ? Развѣ ты не потеряла этотъ платокъ? Развѣ у тебя его не украли?

Розетта начнетъ придумывать объясненія:

— Я его нашла на огородѣ или: мнѣ его принесъ тотъ-то или тотъ-то, но никакъ не Гауденціо, потому что она не захочетъ сказать, что говорила съ нимъ наединѣ.

Тогда Нанна, въ присутствіи отца, матери и ревниваго мужа, объявитъ:

— Ты лжешь. Его отдалъ тебѣ Гауденціо. Я это знаю, потому что подкараулавала его въ ночь на святую Лючію.

И разскажетъ про цвѣтокъ. А Піетро отправитъ невѣрную жену къ ея родителямъ, и домъ навсегда будетъ освобожденъ отъ прекрасной Розетты и ея дерзкаго любовника.

Черная душа Нанны такъ и упивалась этими жестокими выдумками. Но онѣ не осуществились. Какъ только настаяъ день, Розетта побѣжала въ кухню посмотрѣть, что ей принесла святая Лючія, и, не найдя своего платка, подняла невообразимый крикъ. Эта настоящая потеря заставила ее забыть о неизвѣстномъ ожидаемомъ подаркѣ.

— Не видалъ ли кто-нибудь моего платка?—кричала она, ходя по двору во всѣхъ направленіяхъ.

— Пачифико, когда пойдете на улицу, поищите, не попадется ли вамъ мой платокъ?

Потомъ она отправилась искать его въ огородѣ.

— Пожалуй, Гауденціо отдастъ ей тамъ платокъ, а она скажетъ, что нашла его сама и ее нельзя будетъ даже уличить,—подумала Нанна и пошла за невѣсткой.

Когда невѣстка и золовка дошли до забора, Розетта вдругъ закричала:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!

Нанна вздрогнула: она вообразила, что сейчасъ увидитъ Гауденціо. Вмѣсто него она увидала развѣшенный на заборѣ платокъ.

Она смутилась. Никто не могъ знать, кто его сюда повѣсилъ. Если бы она назвала Гауденціо, ей бы не повѣрили,—да и тогда при-

шлось бы разсказать про исторію съ веретеномъ, которая ее такъ мучила.

— Это святая Лючія внушила вору раскаяться,—объяснила Маддалена.

Нанна промолчала, но рѣшилась отомстить какъ-нибудь иначе.

„Ужъ я ихъ подкараулю,—думала она.— Онъ *долженъ* отдать ей булавку; онъ не такъ легко отъ этого откажется, а я не буду мѣшать. Но какъ только Розетта ее получитъ, я заговорю. Доказательство будетъ налицо, а безъ доказательства Піетро все равно мнѣ не повѣритъ. Онъ слишкомъ влюбленъ въ свою веселую супругу.

Вечеромъ, въ сараѣ, она не спускала глазъ съ Гауденціо и чутко прислушивалась къ его словамъ.

Онъ дулся на Розетту, а Розетта, видимо, не понимала, за что онъ дуется, и была огорчена. Чтобы еще больше подчеркнуть свое неудовольствіе, Гауденціо ухаживалъ за Лючіей.

— Что же, ваша святая принесла вамъ что-нибудь?—спросилъ онъ у нея.

— Я не выставляла корзинки,—отвѣчала дѣвушка, удивленная и обрадованная, что самый первый кавалеръ обращаетъ на нее вни-

маніе послѣ того, какъ вчера цѣлый вечеръ любезничалъ съ Нанной.

— Почему же вы ея не выставили?

— Я знала, что святая Лючія не принесетъ мнѣ ничего.

— Это правда. Святая Лючія приноситъ подарки дѣтямъ, а вы ужъ невѣста.

Лючія улыбнулась и покраснѣла отъ удовольствія, что онъ считаетъ ее невѣстой.

— Нанна и Розетта старше меня, а все-таки выставили свои корзинки,—сказала она.

Теперь Гауденціо было легко узнать, какъ было дѣло.

— Такъ Розетта и Нанна получили подарки?—спросилъ онъ.

— Какъ бы не такъ!—воскликнула Розетта.—Ужъ чего лучше моего подарка! У меня украли платокъ.

— Украли? — недовѣрчиво переспросилъ Гауденціо.

— Да, украли, но потомъ опомнились и повѣсили его за огородомъ на заборѣ.

— Не лунатикъ ли вы, и не сами ли вы бросили вашъ платокъ на огородъ?

— Какое тамъ! Я всю ночь спала безъ просыпа.

Тогда Гауденціо началъ подтрунивать надъ ея крѣпкимъ сномъ, какъ будто бы въ него

не вѣрилъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Розетта отвергла его даръ и, какъ оскорбленный любовникъ, мстилъ ей, обращаясь все время къ Лючіи, которая такъ и краснѣла отъ счастье,

XXVII.

Въ воскресенье вернулся Піетро и вечеромъ въ сараѣ объявилъ, что на святкахъ не станетъ возить кладь, а будетъ работать въ огородѣ.

— Оно бы и лучше было, если бы ты всегда былъ дома,—замѣтила Нанна.

— А что?

— А то, что когда нѣтъ кота въ дому, мыши ходятъ по столу.

Глаза невѣстки и золовки встрѣтились. Розетта, у которой на совѣсти была исторія съ корзиной, приготовилась отразить ударъ.

— Да, мы занимались глупостями на этой недѣлѣ!—сказала она мужу.—Мы съ Нанной выставляли за окно корзинки наканунѣ святой Лючіи.

— И святая Лючія украла Розеттинъ платокъ,—прибавила Нанна.

— Онъ нашелся опять на заборѣ, за огородомъ.

Піетро подозрительно смотрѣлъ на обѣихъ женщинъ. Онъ понималъ, что у Нанны было намѣреніе обвинить его жену. Но въ чемъ? Ужъ не получила ли она подарокъ?

— Что же ты нашла въ корзинкѣ?—спросилъ онъ съ тяжелымъ сердцемъ.

— Ничего, — отвѣчала Розетта.—Напрасно трудилась—она была пустая.

— А ты что же въ ней думала найти? Ужъ не булавку ли колбасницы? — насмѣшливо спросила Нанна.

Гауденціо, все время внимательно слѣдившій за Розеттой, заключилъ изъ этого разговора, что она ничего не знаетъ о булавкѣ; а послѣднія слова Нанны подтвердили подозрѣніе, которое онъ ужъ и прежде имѣлъ противъ нея.

Розетта, напротивъ, не догадывалась ни о чемъ и только воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы навести мужа на мысль объ этомъ подаркѣ.

— Я не думала найти булавку,—сказала она,—потому что Піетро не было дома.

— Какъ!—воскликнула Маддалена, во второй разъ содрогаясь отъ мысли объ этомъ разорительномъ подаркѣ.—Если бы онъ и былъ дома, онъ бы не могъ сдѣлать такого расхода!

— Почемъ вы знаете, что я могу и чего не могу? — горячо возразилъ Піетро, которому было пріятно, что жена ждетъ этотъ подарокъ только отъ него.

Но потомъ онъ сейчасъ же устыдился своей смѣлости и вышелъ изъ сарая.

Гауденціо занялъ его мѣсто.

— Въ Новарѣ, — сказалъ онъ, — на Рождествѣ выставляютъ за окно башмакъ, и Младенецъ Христосъ кладетъ въ него подарокъ.

— Я больше ничего не выставлю, — заявила Розетта.

— Попробуйте! Развѣ вы не слыхали, что Піетро не боится дорогой цѣны? Выставьте башмакъ — можетъ-быть, въ немъ окажется булавка!

И, пользуясь тѣмъ, что старики заговорили между собой, онъ прибавилъ вполголоса:

— Ее положитъ вамъ мужъ или...

Онъ замолчалъ, встрѣтившись глазами съ Нанной.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ зналъ, что ей все извѣстно, онъ остерегался ея, но все-таки упорствовалъ и вопреки ей собирался поднести свой подарокъ. Онъ разсчитывалъ на тщеславіе Розетты и на свою красоту, передъ которой, какъ онъ думалъ, не можетъ устоять ни одна женщина.

„Видно, что я ей нравлюсь! Попробую! Она навѣрное приметъ булавку и, чтобы имѣть право ее носить, скажетъ, что ей подарила ее какая-нибудь тетка или дальняя родственница. Женщины всѣ таковы. Золотая вещица, красивый человѣкъ и — прощай честность!"

Нанна, съ своей стороны, желала, чтобы этотъ подарокъ былъ сдѣланъ; ей нужно было орудіе противъ невѣстки, Поэтому она сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Давайте, въ самомъ дѣлѣ, выставимъ башмаки, — сказала она. — На этотъ разъ и Лючія попытаетъ счастья, и, можетъ-быть, съ ея легкой руки мы всѣ что-нибудь получимъ.

Немного погодя, она отправилась спать. Піетро сидѣлъ на дворѣ, на бревнахъ.

— Ты идешь ложиться?

— Иду,—отвѣчала Нанна.—За мной некому ухаживать.

Она вошла въ кухню, потомъ въ хлѣбную, потомъ къ себѣ, а братъ еще ниже понурилъ голову.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Наннѣ присоединилась Лючія, которая съ тѣхъ поръ, какъ Піетро былъ дома, помѣщалась съ ней. Дѣвушка была въ большомъ волненіи по случаю разговора о подаркахъ.

— Башмаки гораздо легче различить, чѣмъ корзинки,—сказала она.—У меня зеленые, у тебя черные лакированные, а у Розетты красные. Ихъ перепутать невозможно.

XXVIII.

Накануне Рождества Нанна сказала матери:

— Мама, позвольте мнѣ печь рождественскій пирогъ!

— Мы можемъ печь его вмѣстѣ.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ одной! Я испеку его, пока мужчины будутъ въ церкви. Мнѣ такъ хотѣлось бы не ложиться въ ночь подъ Рождество и слушать колокольный звонъ! Можно прочесть столько длинныхъ молитвъ!

Маддалена не заставила себя больше упрашивать.

Вечеръ въ сараѣ на этотъ разъ былъ очень коротенькій. Гауденціо неожиданно тоже пришелъ, хотя мужчины по уговору должны были собраться въ трактирѣ и оттуда уже итти къ полунощной службѣ.

Лючія цѣлый вечеръ болтала о башмакахъ и о подаркахъ. Розетта не смѣла объ этомъ говорить. Глаза мужа были постоянно устре-

млены на нее, и послѣ того, какъ невѣстка завела при мужѣ разсказъ о платкѣ, бѣдная молодая женщина все чего-то боялась. Она не могла упрекать себя ни въ чемъ дурномъ. Никакой близости не было между нею и Гауденціо. Но она знала, что онъ ей нравится больше, чѣмъ бы слѣдовало. Она чувствовала свою слабость къ нему, поняла его намѣреніе подарить ей серебряную булавку и не имѣла мужества ему отказать. И все это волновало ее и заставляло трепетать передъ мужемъ, точно она была ужъ виновата.

Мужъ еще больше хмурился, и подозрѣніе вспыхивало въ его взглядѣ.

Передъ десятью часами мужчины начали расходиться.

— Такъ какъ же башмаки? Будете выставлять или нѣтъ?—спросилъ Гауденціо, не обращаясь къ Розеттѣ, потому что чувствовалъ, что Піетро наблюдаетъ за нимъ.

—Непремѣнно!—воскликнула Лючія съ увлеченіемъ.

—Непремѣнно!—повторила Нанна, притворяясь, что ей тоже очень этого хочется.

Розетта не сказала ничего. Гауденціо никакъ не рѣшался уйти. Піетро вышелъ пер

вый и остановился въ темныхъ сѣняхъ. Гауденціо, думая, что онъ уже на дворѣ, воспользовался случаемъ, чтобы подойти къ Розеттѣ, покачиваясь и напѣвая.

— Выставьте и вы свой башмакъ, — прошепталъ онъ ей мимоходомъ и направился къ выходу, продолжая напѣвать.

Нанна услыхала подавленный вздохъ и увидала въ дверь, что Піетро только теперь вышелъ изъ сѣней, опасаясь, какъ бы Гауденціо не замѣтилъ.

„Хорошо,—подумала она.—Онъ кое-что ужъ подозрѣваетъ. Мнѣ будетъ легче открыть ему глаза“.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ. Онъ шелъ медленно, съ поникшею головой и съ видомъ полнаго унынія.

Въ эту минуту передъ ней промелькнуло все прошлое этого брата, тихаго, добраго, любящаго.

Припомнила она его дѣтскую любовь къ ней, самопожертвованіе, съ какимъ онъ предложилъ сопровождать ее въ рисовое поле, чтобы помочь ей заработать деньги для серебра; заботы, которыми онъ окружалъ ее во время болѣзни вдали отъ дома; щедрое предложеніе справить ей на свой счетъ свадебную постель. И сердце ея сжалось при мысли о

горѣ, которое она собиралась ему причинить. Но въ это время Гауденціо вышелъ въ сѣни. Розетта слѣдовала за нимъ. Когда они попали въ темноту, Гауденціо, не прерывая своей пѣсни, протянулъ руку, взялъ Розетту за талію и крѣпко прижалъ къ себѣ, крича во все горло пѣсню.

Потомъ онъ ушелъ, продолжая пѣть и не замѣтивъ Нанны, которая спряталась въ темнотѣ.

Эта ласка заставила Нанну забыть всю пробудившуюся въ ея сердцѣ нѣжность къ брату.

„Не я, не я огорчу его!—думала она.—Виновата вѣтреная красавица, которую онъ взялъ себѣ въ жены! Это будетъ минутная боль, какъ отъ вырваннаго зуба. Зато потомъ, когда онъ отошлетъ ее къ родителямъ, онъ спокойно заживетъ съ нами, у него не будетъ больше непріятностей, у меня — униженій. Въ концѣ концовъ то, что я дѣлаю, я дѣлаю для его же блага".

Она вышла изъ потемокъ и направилась къ кухнѣ. При стукѣ ея башмаковъ Розетта оглянулась, увидала прямо за собой Нанну и поняла, что она видѣла, какъ обнялъ ее Гауденціо.

Въ кухнѣ Розетта, чтобы поскорѣе уйти къ

себѣ, взяла со стола свѣчку. Нанна захотѣла зажечь объ нее свою. Свѣтъ вдругъ освѣтилъ ихъ обѣихъ. Нанна пристально взглянула на невѣстку, и Розетта опустила передъ ней глаза: она почувствовала, что этотъ взглядъ пронизываетъ ее насквозь. Она покраснѣла какъ вишня и въ испугѣ убѣжала въ свою комнату. Лючія бѣжала за ней вслѣдъ.

— Дай мнѣ свой башмакъ!—кричала она.

— Оставь, пожалуйста!

— Дай, дай, непремѣнно! Ты же слышала, что Гауденціо просилъ выставить всѣ три. Ну, пожалуйста, не упрямься!

Дѣвушка отперла сундукъ, достала изъ него праздничный башмакъ сестры, красный съ желтыми бантиками и, держа въ высоко поднятой рукѣ свою добычу, убѣжала.

„Какъ она влюблена, бѣдняжка,—подумала Розетта. — Она воображаетъ, что Гауденціо ее любитъ, а онъ ухаживаетъ за мной, замужней. О, Боже мой, Боже мой! Что мнѣ дѣлать! Я не могу забыть его, но я не виновата. Я ничего не дѣлала, чтобы полюбить его. Это случилось само собою. О, если бы Піетро былъ другой!“

Между тѣмъ Лючія весело продолжала свои сборы. Войдя въ комнату Нанны, она взяла ея черный лаковый башмакъ; потомъ

открыла свой ящикъ и достала изъ него свой крошечный зеленый башмачокъ.

— Посмотри, Нанна,—щебетала она, выставляя башмаки въ кухнѣ за окно,—посмотри, какъ они славно стали! Луна ударяетъ прямо въ нихъ. Ихъ очень легко различить. Младенецъ Христосъ не ошибется.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала Нанна.— Ложись теперь спать, если хочешь дождаться подарка. Младенецъ Христосъ не любитъ, чтобы за нимъ подсматривали.

— Младенецъ! Это большой младенецъ,— лукаво отвѣчала дѣвушка и, смѣясь, отправилась въ комнату Нанны. Тамъ она скоро заснула и видѣла во снѣ подарки, филиграновыя булавки, любовь и свадьбу.

XXIX.

Нанна, оставшись одна, принялась за тѣсто для рождественскаго пирога. Она была очень взволнована, и кровь приливала ей къ лицу каждый разъ, какъ она вспоминала о веренѣ и о грубости, съ какой Гауденціо насмѣялся надъ ней, дѣлая въ то же время подарокъ ея невѣсткѣ. Этого она ни на одну минуту не могла забыть.

„Такъ больше не можетъ продолжаться,— думала она.—Я во что бы то ни стало должна открыть глаза брату. Это моя прямая обязанность. Я должна сдѣлать это, какъ бы тяжело мнѣ это ни было, потому что вѣдь отъ этого зависитъ честь Піетро, честь и спокойствіе всей нашей семьи“.

Такъ говорила себѣ Нанна. Говоря такъ, она лукавила сама съ собой. Этими словами она подавляла въ себѣ голосъ совѣсти, послѣднюю жалость къ невѣсткѣ и подбадривала себя въ тѣ минуты, когда душой ея овладѣвалъ страхъ при мысли, что скоро все должно разрѣшиться.

Пирогъ долженъ былъ выйти мягкій, какъ пухъ, благодаря той быстротѣ, съ какой Нанна, взволнованная своими думами, вертѣла, растирала и била тѣсто во всѣхъ направленіяхъ.

Наконецъ, пробило половина двѣнадцатаго.

„Сейчасъ Гауденціо будетъ тутъ,—подумала Нанна.—Онъ положитъ подарокъ передъ обѣдней, чтобы дать Розеттѣ время взять его до возвращенія Піетро. Но она его не получитъ. Я первая найду цвѣтокъ, и красавица должна будетъ объяснить мужу, откуда онъ взялся“.

Тѣмъ временемъ она быстро округлила пи-

рогъ, выдавила въ немъ пальцемъ множество дырочекъ и посыпала его сахаромъ. Потомъ она вымыла руки и стала въ хлѣбной передъ окномъ.

Гауденціо уже перелѣзъ черезъ заборъ. Нанна слѣдила за нимъ вплоть до окна, и ея сердце билось, какъ будто она вновь заболѣла тифомъ. На этотъ разъ она не спѣшила отворять дверь и бѣжать въ кухню. Она уже знала, что можетъ найти, и не собиралась ничего выбрасывать. Съ своей стороны Гауденціо, положивъ что-то въ башмаки, не спѣшилъ удаляться. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, бросятъ ли ему вслѣдъ его подарки, какъ въ прошлый разъ, или нѣтъ и, прижавшись къ стѣнѣ между окнами, ждалъ.

Сквозь занавѣски Нанна слышала тяжелое дыханіе возчика и съ трудомъ удерживала свое. Эти оба сердца бились съ одинаковою силой въ разстояніи шага другъ отъ друга; но цѣлая пропасть раздѣляла ихъ. Одну волновала ненависть, другого—любовь.

„И вдругъ онъ не уйдетъ!“ думала Нанна. Тогда всѣ ея планы должны были рушиться.

Она подождала еще нѣсколько минутъ. Для ея нетерпѣнія это была цѣлая вѣчность. И вдругъ раздался первый ударъ колокола. Она еще больше напрягала слухъ, но благовѣстъ

мѣшалъ ей различить, двигался ли Гауденціо.

„Долженъ же онъ, однако, итти въ церковь,— подумала она.—Піетро ждетъ его, онъ не можетъ остаться“.

Въ это время какой-то высокій человѣкъ вышелъ изъ тѣни и быстро направился черезъ огородъ къ забору. Нанна угадала. Влюбленный бѣжалъ въ церковь, чтобы мужъ не замѣтилъ, что его нѣтъ въ церкви, и не догадался бы, гдѣ онъ. Она смотрѣла на него, пока тѣнь не перешагнула черезъ заборъ.

Потомъ она закрыла лицо руками и надолго погрузилась въ свои мысли, полныя ненависти и мщенія.

Послѣдній ударъ колокола замеръ въ воздухѣ.

— Что за Рождество, Боже мой!—пробормотала Нанна.—Никогда еще у меня не было столько зла на сердцѣ. Что я сдѣлала, что меня такъ унижаютъ? Но теперь—мой чередъ. Теперь я унижу ее и останусь хозяйкой въ домѣ.

Гулъ отъ благовѣста затихъ, и со стороны улицы, на дворѣ, послышались тихіе шаги. Нанна отворила дверь въ кухню съ намѣреніемъ завладѣть башмакомъ Розетты, спрятать

его у себя въ комнатѣ и на другое утро отдать его невѣсткѣ въ присутствіи мужа.

— Вотъ подарокъ, который я нашла въ твоемъ башмакѣ. Кто тебѣ положилъ его?

Она на цыпочкахъ поднялась къ высокому подоконнику, притянулась къ нему и выглянула въ окно. Ея башмакъ и башмакъ Лючіи были наполнены конфетами, узорчатыя бумажки которыхъ торчали изъ нихъ: на этотъ разъ Гауденціо не хотѣлъ раздражать ее. А въ красномъ башмакѣ Розетты красовался все тотъ же филиграновый цвѣтокъ.

Нанна протянула руку, чтобы взять его, какъ вдругъ дверь кухни отворилась и вошелъ Піетро.

Увидавъ сестру возлѣ окна, онъ смутился.

Сперва и она почувствовала себя неловко. Она не ждала этого внезапнаго появленія и не приготовилась сообщить свое ужасное открытіе.

Съ минуту она колебалась. Но вдругъ злая мысль промелькнула у нея въ головѣ:

„Это Господь посылаетъ его мнѣ, чтобы я открыла ему глаза".

И она сказала громко:

— Я смотрѣла въ башмаки...

Въ глазахъ Піетро показалось безпокойство; онъ сдѣлалъ шагъ къ окну, но не подвинулся

дальше. Дѣло въ томъ, что онъ потихоньку купилъ женѣ завѣтную булавку и, выбравъ время, когда онъ думалъ, что нѣтъ никого въ комнатѣ, онъ прокрался сюда, чтобы положить ее въ башмакъ Розетты. Увидавъ Нанну, онъ сразу опѣшилъ. Ему не хотѣлось, чтобы завистливая сестра видѣла, какъ онъ кладетъ женѣ подарокъ. Бѣдняга конфузился, что его застали за такими нѣжностями, и онъ такъ смутился, что не зналъ, что дѣлать, что сказать. Онъ топтался на одномъ мѣстѣ и, не зная какъ заговорить, сталъ вдругъ точно извиняться передъ Нанной.

— Видишь ли, я принесъ эту булавку, которую ей такъ хотѣлось...—сказалъ онъ, не глядя на сестру и кладя на столъ маленькій свертокъ. Самое трудное было сказано.

Нанна поблѣднѣла отъ бѣшенства; но Піетро, не давая ей времени открыть рта, продолжалъ извиняться за свою супружескую любезность.

— Я съ ней всегда слишкомъ сухъ, это ее смущаетъ. Я не умѣю заставить себя любить. А если этотъ цвѣтокъ ей нравится... Онъ мнѣ не такъ дорого обошелся...

И онъ вертѣлъ въ рукахъ бумагу, въ которую была завернута ножка цвѣтка, не смѣя поднять глазъ, чтобы не встрѣтиться со взглядомъ Нанны.

Ему хотѣлось поскорѣе положить цвѣтокъ въ башмакъ и удостовѣриться, что Гауденціо не предупредилъ его. Однако, при сестрѣ онъ не смѣлъ этого сдѣлать, онъ сидѣлъ точно прикованный къ скамейкѣ передъ столомъ. Даже подозрѣніе, которое закралось въ его сердце, что въ башмакѣ Розетты уже есть цвѣтокъ отъ Гауденціо, не могло заставить его пересилить свою ужасную робость и заглянуть въ башмаки.

„Какъ всѣ любятъ эту вертушку! — подумала Нанна. — Чѣмъ хуже она обращается съ мужчинами, тѣмъ больше они ее обожаютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась въ домѣ, я ничего не стою. Отецъ, мать, братъ, ухаживатель—всѣ за нее. О, если бы я могла ее уничтожить!“

И ея завистливое сердце внушило ей мужество бросить несчастному брату жестокія слова:

— Опоздалъ, мой другъ. Тамъ есть уже цвѣтокъ.

Отчаянный, раздирающій крикъ вырвался изъ груди Піетро и перешелъ въ рыданіе, которое потрясло его съ ногъ до головы. Онъ закрылъ лицо руками.

— Я такъ и зналъ. Я лишній на этомъ свѣтѣ! Потомъ въ страшномъ волненіи онъ выхва-

тилъ что-то изъ висѣвшей на стѣнѣ охотничьей сумки и направился къ дверямъ.

Нанна окаменѣла. Только въ эту минуту она поняла весь ужасъ того, что собиралась сдѣлать, и къ какимъ послѣдствіямъ могъ привести ея поступокъ.

Она все время думала только о себѣ. Она думала:—Братъ узнаетъ, что Розетта измѣнила ему, и отправитъ ее къ отцу, а мы снова заживемъ по-старому.—Но теперь она ясно увидала, что это не можетъ кончиться такъ просто; она поняла, что завязала страшное дѣло, что брату не перенести этого ужаснаго открытія.

И Наннѣ вдругъ вспомнился страшный случай, о которомъ говорили еще недавно и который разыгрался нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ семьѣ одного рабочаго: мужъ изъ ревности къ собственному брату сначала убилъ брата, а потомъ свою жену.

Піетро былъ слишкомъ тихій человѣкъ, чтобы убивать кого бы то ни было. Но онъ могъ лишить себя жизни. Нанна догадалась объ этомъ, видя его отчаяніе. Всѣ низкія, злыя думы, которыя двигали ее до сихъ поръ, отступили назадъ передъ страшною мыслью.

Не успѣло все это, какъ молнія, промелькнуть въ головѣ Нанны, не успѣла она от-

крыть рта, чтобы сказать что-нибудь брату, какъ одно его слово вполнѣ подтвердило ея опасенія.

Піетро, взявшись за ручку двери, остановился и сказалъ:

— Нанна, позаботься о нашихъ бѣдныхъ старикахъ!

— Піетро, куда ты? Что ты задумалъ?— закричала она, бросаясь къ нему.

— Ничего,—отвѣчалъ Піетро, отталкивая ее прочь, и пробормоталъ:—Лучше покончить съ собой, чѣмъ такъ жить.

Сердце Нанны сжалось отъ ужаса. Она поняла, что надѣлала,—поняла, что тутъ уже не помогутъ просьбы, что надо дѣйствовать рѣшительнѣе. Нужно сейчасъ же, сію минуту сказать брату такое слово, которое разувѣрило бы и успокоило бы его,—и собравъ всѣ силы, подавляя свой ужасъ, Нанна вдругъ весело расхохоталась.

— Ахъ ты, медвѣдь! Вотъ попался! Теперь понимаю, ты ревнуешь! Ха-ха-ха!

Піетро остановился и смотрѣлъ на нее съ разинутымъ ртомъ и съ широко открытыми отъ изумленія глазами.

Наннѣ удалось хорошо скрыть свое сильное волненіе громкимъ смѣхомъ. Лучъ надежды освѣтилъ ея лицо, и Нанна ободрилась и захохотала еще громче.

— Ахъ, медвѣдь, медвѣдь! Всего нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ и уже ревнуетъ! Ха-ха-ха!

— Ну, положимъ, я ревную. Но кто же въ этомъ виноватъ?—смущенно проговорилъ Піетро.—Вѣдь ты же внушила мнѣ всѣ эти глупости и про Гауденціо и про...

— Я тебѣ говорю, что ты попался, что ты медвѣдь и больше ничего! Неужели ты не понимаешь, что я все это говорила нарочно, чтобы подразнить тебя? А ты ужъ вдругъ и приревновалъ! Фу, какой дуракъ! Ну, давай мнѣ цвѣтокъ, я положу его въ башмакъ твоей жены.

Піетро нерѣшительно протянулъ цвѣтокъ, не зная, чему вѣрить, страху или надеждѣ. Но какъ только онъ его отдалъ, страшное подозрѣніе опять взяло верхъ, и, схвативъ Нанну за руку, онъ шепотомъ проговорилъ:

— А другой-то какъ же? Ты сказала, что тамъ есть уже цвѣтокъ. Въ чьемъ башмакѣ лежитъ онъ? Вѣдь не въ твоемъ же, Нанна,— прибавилъ онъ, пристально глядя въ глаза сестрѣ.

Эти слова его были безжалостны; они глубоко задѣли Нанну за сердце. Но она слишкомъ хорошо поняла весь ужасъ зла, кото-

рое она было надѣлала, для того, чтобы захотѣть теперь вернуться къ нему.

— Другой цвѣтокъ лежитъ въ башмакѣ Лючіи,—отвѣчала она великодушно.—Его положилъ Гауденціо, который въ нее влюбленъ и открылся Розеттѣ. И Лючія тоже отъ него безъ ума. Неужели ты этого не понялъ? Слѣпъ ты, что ли? Ахъ, какъ ты глупъ!

При этихъ словахъ Піетро не выдержалъ. Онъ выпустилъ руку Нанны, сѣлъ опять на скамейку, вынулъ изъ кармана хорошо отточенный ножъ и бросилъ его на столъ.

— Ты затѣяла опасную игру! Я чуть не зарѣзался,—сказалъ онъ и судорожно разрыдался.

При видѣ этого, при мысли, что она чуть не сдѣлалась убійцей брата, Нанна задрожала, какъ въ лихорадкѣ. Чтобы скрыть свое волненіе, она отворила окно и положила цвѣтокъ въ башмакъ Розетты, переложивъ потихоньку бывшій въ немъ цвѣтокъ въ туфлю Лючіи.

Піетро слѣдилъ за ней съ подозрѣніемъ. Ему все не вѣрилось, что все окончилось такъ хорошо.

— Отчего ты плачешь?—спросилъ онъ.

— Ты думаешь весело слушать о томъ, что человѣкъ хотѣлъ убить себя, и видѣть ножи?

И слезы неудержимо полились изъ ея глазъ.

Піетро вздохнулъ съ облегченіемъ, сложилъ ножъ и спряталъ его въ ящикъ стола. Потомъ онъ сжалъ себѣ виски руками и долго неподвижно смотрѣлъ впередъ.

Онъ обдумывалъ все пережитое; онъ былъ еще слабъ, но ужъ спокоенъ. Его прямая душа не могла допустить, чтобы сестра обманула его, и послѣ ея увѣреній онъ не сомнѣвался больше. Все представлялось ему теперь въ иномъ свѣтѣ. Если Гауденціо былъ влюбленъ въ Лючію, его бесѣды съ Розеттой объяснялись сами собой; онъ, конечно, говорилъ съ ней о любви къ младшей сестрѣ.

XXX.

Въ этотъ вечеръ Розетта долго не могла заснуть.

Бѣдная женщина съ ужасомъ сознавала, что Гауденціо все больше и больше завлекаетъ ее и что у нея не достаетъ уже силъ противиться ему. Стыдъ передъ мужемъ, который такъ любилъ ее, былъ всегда такъ добръ къ ней, не давалъ ей покоя. Окно ея комнаты тоже выходило на огородъ, и она видѣла, какъ Гауденціо приходилъ и ушелъ.

Съ волненіемъ она ждала, когда кончится послѣдній благовѣстъ: ей хотѣлось знать навѣрно, что никого изъ мужчинъ нѣтъ дома. Къ этому времени Нанна должна была кончить пирогъ и лечь спать, и всего удобнѣе было вынуть изъ башмака булавку.

Но все-таки она безпокоилась и чего-то боялась.

„Лучше бы онъ не приносилъ ее,—думала она.—Мнѣ бы не пришлось ее прятать. И что же потомъ? У меня будетъ подарокъ отъ Гауденціо и... чѣмъ отплачу я ему?.. О, этотъ человѣкъ такъ красивъ и такъ умѣетъ на меня дѣйствовать! Я не могу отказать ему. Господи, Боже мой, чѣмъ это кончится? Я хочу быть честною женщиной, я не хочу дѣлать ничего дурного. Піетро не заслужилъ этого. Онъ немножко застѣнчивъ, но вѣдь онъ такой добрый, бѣдняжка!“

Она сошла внизъ потихоньку, стараясь проскользнуть какъ можно осторожнѣе мимо комнаты стариковъ.

Отворивши дверь въ кухню, она съ удивленіемъ остановилась: огонь не былъ погашенъ, и мужъ съ невѣсткой о чемъ-то разговаривали. Розетта стояла въ дверяхъ и не смѣла войти.

Нанна поняла, что безъ ея помощи это

появленіе Розетты можетъ показаться мужу подозрительнымъ, и онъ догадается пожалуй, что Розетта пришла посмотрѣть, нѣтъ ли въ ея башмакѣ булавки отъ Гауденціо.

— А, вотъ и Розетта,—сказала она, стараясь казаться спокойной.—Тебя беретъ нетерпѣніе посмотрѣть, что принесъ Младенецъ?

— О, нѣтъ,—возразила Розетта, направляясь къ окну и не смѣя поднять глазъ.—Я только хочу взять назадъ мой башмакъ. Я боюсь, какъ бы онъ не испортился отъ сырости. Начинаетъ итти снѣгъ...

Піетро, у котораго глаза были полны слезъ, вышелъ на порогъ наружной двери и сдѣлалъ видъ, что смотритъ погоду.

— Кажется, снѣга нѣтъ,—проговорилъ онъ, вглядываясь въ темноту и стараясь скрыть свое волненіе.

Между тѣмъ Розетта взяла свой башмакъ и, ощупавъ въ немъ цвѣтокъ, сдѣлала движеніе, чтобы выбросить его. Но Нанна быстро остановила ея руку.

— Не бросай,—прошептала она.—Это *онъ* его положилъ. Поблагодари его.

И она толкнула ее къ Піетро.

Розетта посмотрѣла на золовку, замѣтила ея волненіе и окаменѣла. Что будетъ съ нею? Что будетъ съ цвѣткомъ *того*?...

Между тѣмъ Піетро вернулся. Нанна опять толкнула къ нему золовку.

— Ты послушай-ка, Розетта, что тутъ было!—сказала она.—Этотъ медвѣдь, несмотря на то, что онъ такой большой и толстый, боится Гауденціо. Онъ ревнуетъ тебя!

— Ну, неправда, вовсе не ревную,—смущенно пробормоталъ Піетро.

Розетта еще не понимала ничего. Она только поблѣднѣла, думая, что золовка хочетъ ее выдать. Но Нанна продолжала:

— Пожалуйста, не оправдывайся! Ты думаешь, я не видала твоихъ слезъ? А это что?

Она вынула изъ стола ножъ и показала его Розеттѣ, которая при видѣ его задрожала какъ листъ.

— Представь себѣ,—продолжала Нанна, обращаясь уже къ ней:—онъ думалъ, что Гауденціо за тобой ухаживаетъ. Какъ будто кромѣ его жены нѣтъ женщинъ на бѣломъ свѣтѣ! Боится, должно-быть, какъ бы тебя не съѣли!

— Да я вовсе не думаю о Гауденціо,—сказала Розетта, которая начала, наконецъ, понимать, что нашла въ золовкѣ союзницу.

— Еще бы! Ну, ты лучше ужъ сама съ нимъ переговори. Я должна была разсказать ему все: что Гауденціо влюбленъ въ Лючію,

что онъ тебѣ открылся, что онъ положилъ серебряный цвѣтокъ въ зеленую туфельку, все, все... Теперь онъ повѣрилъ, и ему стало стыдно. Но едва ли онъ успокоится прежде, чѣмъ они будутъ мужемъ и женой. Я его знаю.

Піетро отъ стыда не зналъ, куда дѣваться.

— Да замолчишь ли ты?—грубо закричалъ онъ.—Ничего этого я не думалъ.

Розетта, которая не могла произнести ни слова отъ волненія, бросилась на шею къ мужу и любовно поцѣловала его, несмотря на усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы отъ нея освободиться. Она чувствовала себя спасенной.

— Правда, правда, — сказала она. — Лючія влюблена, и ихъ надо женить.

Потомъ она съ искренней радостью прибавила:

— Ахъ, какъ ты меня обрадовалъ! Я сама точно во второй разъ выхожу замужъ. А вы, сударь, довольны?

И она обняла его еще разъ, и потомъ обняла Нанну.

— У насъ въ семьѣ свадьба!—воскликнула она.—Будемъ же всѣ счастливы!

И она прошептала Наннѣ на ухо, крѣпко пожимая ея руку:

— Спасибо, Нанна. Ты поступила со мною, какъ настоящая сестра.

Она была такъ рада, что избавилась отъ опасности, что нисколько не сомнѣвалась въ согласіи Гауденціо и вообще ни въ чемъ; она такъ была счастлива, что всѣ ея мученія кончились и что она окончательно примирилась съ мужемъ.

Нанна оставила супруговъ вдвоемъ и вышла на дворъ. Ей хотѣлось плакать и она долго молча плакала впотьмахъ. И это были легкія, счастливыя слезы. Отчаяніе Піетро, искренняя благодарность Розетты,—все это вернуло къ ней ея прежнюю доброту, и она сознала весь ужасъ своихъ злобныхъ чувствъ.

„Бѣдная молодая женщина!—думала она.— Ей только восемнадцать лѣтъ. Я старше ея и должна бы была предостеречь ее, и она бы меня послушалась. Но я вмѣсто этого только злилась и завидовала... О, если бы я дала себѣ волю, какое ужасное было бы у насъ Рождество! Но Господь заглянулъ въ мое сердце“.

Тѣмъ не менѣе она дрожала при мыслѣ о будущемъ.

Теперь, подъ первымъ впечатлѣніемъ доб-

раго дѣла, ея сердце размягчилось, и она чувствовала удовлетвореніе. А потомъ? Все войдетъ въ свою колею. Гауденціо не женится на Лючіи и перестанетъ бывать у нихъ въ домѣ. Или, скорѣе, женится, потому что Лючія въ деревнѣ расцвѣла, какъ роза. Она молода, хороша, съ приданымъ, а Гауденціо уже въ лѣтахъ... Да и Розетта постарается уговорить его для общаго спокойствія...

Піетро и Розетта, послѣ случившагося, сблизятся и полюбятъ другъ друга. Что имъ пожилая, одинокая сестра? Она всегда останется на второмъ мѣстѣ, всегда будетъ имъ мѣшать.

Старики? Старикамъ жить уже остается недолго. А послѣ нихъ бѣдной Наннѣ грозитъ полное одиночество, у нея совсѣмъ никого не останется, кому бы она могла отдать всю свою любовь, и кто отвѣчалъ бы ей тѣмъ же. Какъ же ей не завидовать всѣмъ, у кого есть семья, кто счастливъ?

Все это она обдумывала со слезами и молилась всею силой своей вѣры.

— Господи, Боже мой! Сегодня рождественская ночь. Научи меня, что мнѣ дѣлать!

XXXI.

Послѣ ухода сестры, оставшись наединѣ съ женой, которая ободряла его ласками, Піетро со слезами разсказалъ ей о своей ревности, о своихъ опасеніяхъ, о своемъ отчаяніи и о намѣреніи наложить на себя руки.

Оба были взволнованы, оба плакали, и эти первыя, пролитыя вмѣстѣ слезы сдѣлали ихъ счастливыми.

Вдругъ послышался громкій стукъ въ дверь, и голосъ Пачифико закричалъ:

— Есть тутъ кто-нибудь?

— Я здѣсь,—отвѣчалъ Піетро, бросаясь къ двери.

— Идите за мною. Въ мою комнату, должно быть, забрались воры,—тамъ свѣтъ, а вѣдь у меня ребенокъ.

Мужчины поспѣшно побѣжали по лѣстницѣ, и Розетта, которая не была трусихой, пошла вслѣдъ за ними.

Пачифико отворилъ дверь—и остолбенѣлъ отъ изумленія. На сундукѣ, въ ногахъ постели, горѣла свѣча, а на колѣняхъ надъ колыбелью маленькой дѣвочки стояла Нанна.

Піетро покраснѣлъ, какъ ракъ, при видѣ сестры ночью въ комнатѣ мужчины.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — грубо закричалъ онъ.

— Я смотрю на мой рождественскій подарокъ и благодарю за него Господа, — отвѣчала Нанна, поднимаясь съ колѣнъ.—Господь взыскалъ и меня, хоть я немолода и некрасива, и послалъ мнѣ эту маленькую дѣвочку, а въ мое сердце вселилъ материнскія чувства. Не правда ли, Пачифико, я буду ей матерью?

Пачифико, не помня себя отъ радости, бросился къ ней съ распростертыми объятіями. Но онъ не посмѣлъ обнять ее при всѣхъ, а только опустилъ руки и смотрѣлъ на нее, разиня ротъ.

Одна Розетта поняла все и обняла Нанну отъ полноты своего юнаго сердца.

— Богъ благословитъ тебя, Нанна,— а зала она,—за все, что ты хочешь сдѣлать этому ребенку и этому человѣку, который такъ тебя любитъ.

— Да, я люблю васъ,—сказалъ Пачи

— Въ самомъ дѣлѣ? — радостно глядя на него, спросила Нанна.

— Развѣ вы не знаете? Развѣ я уже не сватался за васъ? Вы сами не захотѣли.

— Да вѣдь вы сватались за меня ради ребенка.

— И ради ребенка и ради себя самого.

— И говорили, что я немолода и некрасива,—сказала Нанна.

— Такъ что же?—отвѣчалъ Пачифико.—Развѣ мало на свѣтѣ немолодыхъ и некрасивыхъ? Однако, я сватался именно за васъ и не искалъ себѣ другой жены. Я всегда бы жилъ одинъ,—смотрите.

Онъ нагнулся къ ней ближе, чтобы его не слыхали другіе, и прибавилъ вполголоса:

— Я люблю васъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы были на рисовомъ полѣ.

Розетта поняла, что имъ нужно остаться вдвоемъ и, толкнувъ мужа локтемъ, вышла съ нимъ на крыльцо. Тогда Нанна сказала:

— Вы любили меня? Такъ зачѣмъ же вы женились на другой?

— Я долженъ былъ жениться на ней, Нанна. Теперь, когда ея уже нѣтъ, а вы скоро будете моей женой, я могу сказать вамъ все. Эта бѣдняжка, дай Богъ ей царство небесное, была съ моимъ братомъ на рисовомъ полѣ въ Пьемонтѣ, гдѣ парни и дѣвушки молотятъ вмѣстѣ. Въ этомъ имѣніи мало обращали вниманія на поведеніе молодежи. И мужчины и женщины спали вперемежку и... Вы понимаете? Они любили другъ друга. Однимъ словомъ, послѣ работъ моему брату надо

было итти въ солдаты, а онъ захватилъ болотную лихорадку и еще не вполнѣ выздоровѣлъ. А тамъ, въ солдатахъ, жилось плохо, да еще онъ затосковалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ заболѣлъ тифомъ, который унесъ его въ нѣсколько дней. Когда я пришелъ къ нему въ военный госпиталь, онъ сказалъ мнѣ:

— Не хочется мнѣ умирать, а въ особенности изъ-за моей бѣдной Катерины. Узнаетъ ея отецъ, исколотитъ или выгонитъ изъ дому.—И такъ онъ плакалъ, что жалость была смотрѣть. Я думалъ только о томъ, какъ бы его утѣшить.

— Слушай,—сказалъ я.—Мы были всегда добрыми братьями. Будь покоенъ, я не оставлю Катерину. И, понимаете, Нанна, я хотѣлъ жениться на васъ, но я долженъ былъ сдержать обѣщаніе, которое далъ умирающему, и я сдѣлался мужемъ этой несчастной... Мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Я не былъ ей дурнымъ товарищемъ. Но васъ я любилъ.

— Такъ эта дѣвочка...—спросила Нанна, продолжая качать колыбель.

— У нея нѣтъ ни отца ни матери,—умоляющимъ голосомъ отвѣчалъ Пачифико.—Но я полюбилъ ее.

На одно мгновеніе Нанна поддалась дере-

венскому предразсудку, и въ сердцѣ ея шевельнулась брезгливость къ незаконнорожденной, но это было только на одно мгновеніе. Блѣдная, маленькая, слабенькая дѣвочка, тихо спавшая въ своей колыбелькѣ, тронула сердце Нанны.

— И я буду любить тебя! Ты будешь наша,—пробормотала она, нагибаясь къ спящей дѣвочкѣ и цѣлуя ее въ полуоткрытыя губки.

Потомъ она провела рукой по ея мягкимъ бѣлокурымъ волосикамъ и прибавила:

— И никогда не пойдешь въ рисовое поле.

. . . .

На другой день весело было смотрѣть на всѣхъ за рождественскимъ столомъ. Розетта ласкалась къ своему простяку-мужу, точно сейчасъ вышла изъ-подъ вѣнца. Старики сіяли, потому что просватали дочь. Пачифико... онъ не сводилъ глазъ съ Нанны и безпрестанно повторялъ:

— Такъ вы будете, наконецъ, моей хозяйкой? Экая дѣвушка! Сколько заставила по себѣ вздыхать! Когда же въ моемъ домѣ закипитъ похлебка?—Бѣдняга вкладывалъ въ эти слова всю свою душу.

Гауденціо тоже былъ тутъ. Онъ рано утромъ пришелъ поздравить съ праздникомъ чтобы узнать, какая участь постигла Фили-

грановый цвѣтокъ, и Розетта безъ труда убѣдила его жениться на Лючіи.

Собственно говоря, не того жаждало его сердце,—ему гораздо больше нравилась замужняя сестра. Но разъ дѣло приняло такой оборотъ, онъ не могъ имѣть ничего противъ милой дѣвушки. Такъ и порѣшили.

А Лючія отъ восторга чуть не прыгала и страшно гордилась великолѣпнымъ серебрянымъ цвѣткомъ въ своихъ черныхъ волосахъ.

— Я догадалась сразу, что вы всегда говорили съ Розеттой обо мнѣ!—восклицала она, любуясь громаднымъ чубомъ своего жениха.—И что вы *мнѣ* хотѣли подарить филиграновый цвѣтокъ. О, я догадалась!

Бѣдное, невинное сердце! Оно не знало, какая буря взрастила этотъ рождественскій цвѣтокъ!

КОНЕЦЪ.

